

Неучтенная планета

Автор:

Дарья Бобылёва

Неучтенная планета

Дарья Леонидовна Бобылёва

Вьюрки. Книги Дарьи Бобылёвой

Психотерапевтический, умный, полный юмора и приключений роман, удачно маскирующийся под научную фантастику, от автора «Вьюрков». В космосе хорошо. Миры добры. И на этой планете всё делается для блага живущих, ради их душевной гармонии. На каждом шагу – свои странности, свои законы, которые никто не может объяснить, но все делают вид, будто так и нужно. На самом деле они, конечно, врут... Но ничего плохого здесь случиться не может. И это не нормально. Можно принять всё как есть. Можно драться. Можно искать истину. Если слишком невыносимым станет одиночество в пустоте, повторяй: «В космосе хорошо».

Дарья Бобылёва

Неучтенная планета

© Дарья Бобылёва, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

Я не позволю инопланетянам трогать моих привидений.

Смотритель

Глава первая,

в которой можно получить некоторое представление о героях, инопланетной агрессии и о том, можно ли разговаривать с дорогой

Детеныш морфа осторожно высунулся из канавы. Теперь два неизвестных зверя были совсем близко. Морфенок заметил их, когда играл на противоположном конце поля. Разноцветные стекляшки, из которых он старательно выкладывал непристойное слово (морфы называют такие слова «телесно испачканными»), внезапно засверкали, отражая зарево в небесах. Подняв голову, детеныш морфа увидел двух огромных птиц, а может, летающих ящеров – вместо перьев они были покрыты чем-то вроде матовой чешуи. Существа величественно снижались. У самой поверхности планеты одно внезапно оттолкнуло другое, уже нацелившееся на удобный ровный участок, и уселось туда первым. Обиженная птица на пару мгновений зависла в воздухе, растерянно покачиваясь, а потом, очевидно, увидела иное подходящее место для гнездования и полетела туда, предварительно клюнув второе существо в темный чешуйчатый бок.

Детеныш морфа следил за маневрами, открыв ротовое отверстие от восторга. Если бы он меньше времени уделял цветным стекляшкам и больше – образовательным программам, то сразу понял бы, что перед ним – два космических корабля. А если бы он освоил еще и дополнительные материалы, то, скорее всего, догадался бы, что именно это за корабли, и благоразумно сбежал, поскольку морфы относили их к категории ПИК – «предпочтительно избегать контакта». В общем, именно необразованность морфенка запустила целую цепь событий, начавшихся здесь, на благоухающем гнилым мясом поле – по первому теплу обильно цвела мерзьянка, – и в итоге повлиявших на судьбы Вселенной, поскольку на судьбы Вселенной, как полагают философы различной видовой принадлежности, влияет любая мелочь.

Необразованный морфенок, как и все детеныши, был любопытен. Забыв про игру, он видоизменился в изумрудную змею и пополз к существам. С другой стороны поля донеслись какие-то звуки – хлопки, шипение, но все быстро стихло. Юный морф решил не жертвовать маскировкой ради возможности высунуться из травы и посмотреть, что же там происходит. Взмолнованно сопя, он извивался в густой зелени, пока не свалился в канаву.

Грязная вода заставила юнца морфировать сначала в нечто вроде большой лягушки, а потом – в ракообразное. Он выполз на берег, отряхнулся и жадно всмотрелся маленькими глазами на стебельках в силуэты загадочных визитеров. Существа неподвижно лежали на траве – наверное, они спали.

Вблизи они уже не напоминали ни птиц, ни ящеров. Размеров существа были исполинских, но каких именно, морфенок так и не понял, поскольку вокруг расстиралось ровное поле и сравнивать оказалось не с чем. По крайней мере, на спине каждой из этих загадочных тварей могли с комфортом поиграть в догонялки примерно пятеро подрощенных морфят. Если он, конечно, правильно определил, где у них спина.

И тут взгляд юного морфа упал на валявшуюся в траве удивительную штуку. Штука была в миллион раз интереснее самых отборных стекляшек: короткая палка, с обеих сторон заканчивавшаяся большими загнутыми крюками. Детеныш торопливо подскочил к ней, понюхал, лизнул, отрастил конечность и поднял трофей. Палка была обтянута чем-то плотным и мягким, там даже имелись удобные углубления под отростки, которые гуманоиды называют «пальцами». Морфенок пощупал один из блестящих крюков и незамедлительно порезался.

– Осторожнее! – прогудел глубокий и низкий голос.

Детеныш застыл от страха, потом медленно повел глазами по сторонам. Глаза встретились на макушке и озадаченно уставились друг на друга. Никого.

– Я здесь, – пробасил голос.

Морфенок огляделся еще раз с тем же результатом и на всякий случай забился под брюхо ближайшего существа. В тени он вновь почувствовал себя в безопасности и продолжил изучение замечательной штуки. Надорвав мелкими зубами ткань, которой была обмотана рукоятка, детеныш принялся

отколупывать ее от палки. Он так увлекся процессом, что не слышал шагов и не заметил, как в опасной близости от него возникли чьи-то ноги.

– О, абориген! – на этот раз голос был другой.

Морфенка взяли за загривок и подняли ввысь. Несколько мгновений он висел в воздухе, пища от ужаса, и вытаращенными глазами разглядывал небольшую самку человека в сером комбинезоне, а потом вырастил кривые острые шипы по периметру всей тушки. Самка вскрикнула, выронила детеныша и затрясла окровавленной рукой, а тот, в свою очередь, выронил восхитительную штуку, поскольку вся материя, из которой состояла державшая ее конечность, ушла на шипы. Первые капли крови и штука упали на траву практически одновременно.

– Я тебе покажу, как чужое брать! – закричала самка и повернулась к подошедшему самцу, тоже небольшому, который наблюдал за происходящим со сдержанным удивлением. – Он на меня напал! Это акт агрессии! По отношению к мирному представителю, я подчеркиваю!.. Смотри! – она ткнула раненую руку ему в лицо с такой экспрессией, что это можно было расценить как попытку дать в глаз. – Ты видел? Нет, ты видел?! – Она метнулась к вздыбившему шипы морфенку: – Где твои родители? Мама, оплодотворитель, третье лицо... бабушка! У тебя есть бабушка?!

Морфенок при всем желании не смог бы ответить на эти вопросы – во-первых, в данный момент у него не было речевого аппарата, а во-вторых, они задавались не на его родном языке, а на палиндроме, причем на свернутом. Свернутый палиндромон вообще мало кому понятен, поскольку, к примеру, слово «атрогентревертаатревертнегорта», означающее «бабушка», сворачивается до коротенького «атта», у которого есть еще примерно сто пятнадцать как свернутых, так и развернутых значений. В таком виде палиндромон удобен тем, что на произнесение одной фразы уже не надо тратить несколько часов, но догадываться о значении слов приходится интуитивно, а многие виды, включая морфов, в принципе не обладают интуицией.

– Айа, имей совесть, – снова загудел низкий голос. – Он тебя даже не понимает.

Детеныш еще не научился сохранять форму, поэтому от неожиданности снова морфировал – на этот раз в нечто шестиногое и мохнатое. Он вопросительно уставился на самца, но тот покачал головой и указал на одно из летающих

существ.

– Я же говорил тебе, что я здесь, – подтвердил голос.

Морфенок взвизгнул и поскакал прочь, высоко подбрасывая все шесть ног. Люди – впрочем, не люди: сегодня морфенок нашибался на всю оставшуюся жизнь – засмеялись, глядя ему вслед. Маленькие, темноволосые и светлокожие, они походили на брата и сестру, но и ими тоже не были. Звали их Селес и Айа, и с кораблями – действительно говорящими и более чем разумными – их связывали непростые симбиотические отношения. Что-то вроде принятых у некоторых культур семейных связей, но значительно интереснее. А еще в ходе приземления их корабли между собой поссорились, причем корабль Селеса поссорился заодно и с самим Селесом.

– 3-зараза... – Айа вытерла кровь пучком травы. – Я же говорила, что крюк украли, а ты: выронила, выронила... Еще и дерется.

– Ты его напугала, – пожал плечами Селес. – А крюк надо лучше пристегивать.

– Вот ты сейчас сказал две совершенно ненужные вещи подряд. Ты горд собой?

– Айа, прекрати, – подал голос корабль. – Зайди внутрь, руку нужно восстановить.

– Ага, бегу уже.

Айа фыркнула и отвернулась, взмахнув длинными нечесаными волосами.

– Мы скоро вернемся, – пообещал Селес, и они опять ушли. Корабли остались греться под закатным солнцем и слушать чирикание крохотных летающих лягушек, роившихся над цветами мерзянки.

– ...Вот не надо... У Айи, может, и трудный характер, зато она не заставляет тебя мотаться по планетам в поисках неизвестно чего.

– Она заставляет меня мотаться вслед за вами. В чем разница?

- Я не улавливаю интонацию, ты сейчас пошутил?
- Ну... конечно, пошутил.
- Может, ты с ним поговоришь? Этим его... идеям края не видно. Почему все существуют спокойно, а ему вечно нейдет?
- Пусть гуманоид развлекается. Вдруг он ищет смысл жизни.
- Да неужели...
- Я бы на твоём месте гордился. Кстати, с каких пор мы снова разговариваем?
- Это опять была шутка?
- Разумеется.
- Одно и то же: лежишь на какой-нибудь мерзкой жесткой планете и ждешь его. За последний шиарийский год мы были на пятидесяти четырех планетах, не считая астероидов!
- Пусть ищет.
- Зачем?!
- Вдруг что-нибудь да найдет.
- Гуманоидная составляющая – это так утомительно.
- Прекрасно тебя понимаю.

Селеса немного беспокоило, что первый же неофициальный контакт с местными жителями прошел, мягко говоря, не очень гладко. Еще на таможенной станции Айа пыталась задавать персоналу некорректные вопросы и лезть в

непредназначенные для посторонних помещения, но таможенники держались стоически. Селес, в отличие от нее, был существом уравновешенным – насколько это можно сказать о представителе его расы, – вежливым и очень вдумчивым. Когда они несколько условных суток назад присутствовали при взрыве звезды, вся окруженная силовым полем зрительская платформа бесновалась, плясала, пила различные жидкости и даже спаривалась по углам, а Селес собирал в ментальном поле инфокапсулу с неизвестно кому адресованным подробнейшим отчетом о наблюдаемом феномене. Инфокапсулы у него всегда получались путанные, буквально разваливающиеся от информационной избыточности – Селес никак не мог избавиться от привычки педантично фиксировать каждую мелочь, – поэтому шансов на то, что кто-то, случайно обнаружив капсулу в поле, заинтересуется ею, практически не было.

Селес и Ая принадлежали к виду, называвшему себя «омтуроскевириворивексорутмо», в более гуманном варианте на свернутом палиндроме – «оммо», хотя во всех энциклопедиях все равно употреблялись исторически сложившиеся термины «неораса», «неолюди», или, на худой конец, «симбиотики», а капитаны грузовых транспортников и прочие невежливые особи называли их «новками», на что неолюди страшно обижались. Хотя новками их звали всего лишь потому, что они действительно были новичками в этой части Вселенной. На них и на их корабли начали вдруг наткаться то там, то сям всего каких-то тридцать шиарийских лет назад. А наименование «неолюди» они получили за поразительное сходство с людьми обыкновенными – как внешнее, так и внутреннее. Вообще же про новичков было известно очень мало, потому что, во-первых, их самих насчитывалось немного, во-вторых, они ничего толком не могли о себе рассказать, а в-третьих, для того, чтобы изучить, их еще следовало поймать. Не имея собственной планеты, они жили в кораблях, которые использовали ментальную энергию оммо, а в обмен снабжали их питательным раствором. Таковы были первые полученные о них сведения, сразу же поставившие науку в тупик: ментальная энергия, как известно каждому здравомыслящему гуманоиду, рептилоиду или бицефалу, – это эзотерическая выдумка шиари, которых из-за стремления к душевной гармонии вечно сносит куда-то в астрал. А корабли, работающие на этой антинаучной штуке, еще и кормили своих симбиотических партнеров внутривенно – точнее, через особые свищевые отверстия в теле.

– Звучит даже немного неприлично, – хмыкнул и почему-то облизнулся пожилой каильский академик, узнавший об этом первым. – Чересчур, знаете ли, интимно, кхе-кхе...

– Но им же надо как-то есть, – невозмутимо ответил исследуемый корабль.

Между собой эти подозрительные пришельцы разговаривали на уникальном конструкте под названием «палиндромон» – в попытках найти рациональное обоснование того, как вообще мог возникнуть этот нелепо сложный язык, потерял рассудок не один лингвист. «Омтуроскевириворивексорутмо», по их утверждению, означало «дети Вселенной». С тем, что их зовут неолюдми, они смирились, новками не хотели быть категорически и предложили нейтральный термин «внепланетяне». Но научное сообщество, обозлившись на все новые возмутительно неправдоподобные подробности, которые сообщали о себе неолюди, его проигнорировало. Оказывается, благодаря моментальной слуховой памяти любой язык они якобы осваивали буквально за одни шиарийские сутки. Общались между собой телепатически в некоем ментальном поле – от всей этой ментальной ахинеи у почтенных ученых уже подергивались глаза, вибриссы и блуждающие ганглии. Жили неолюди практически вечно, поскольку корабли умели восстанавливать их тела в каких-то специальных баках. И, наконец, проклятые симбиотики не размножались – ни достойным половым путем, ни даже каким-нибудь жалким почкованием. Форменный подрыв устоев, беспардонное посягательство на самую суть любой жизни! Это стало последней каплей, и научное сообщество демонстративно плюнуло на дальнейшее изучение завирального вида. В конце концов, на планеты неораса спускалась редко, вооружений не имела, на территории не претендовала и могла дальше придумывать про себя в открытом космосе все, что пожелает. Бойкот продолжался, к обоюдному удовольствию сторон, несколько шиарийских лет, пока какой-то симбиотический умник не ухитрился перебросить из ментального поля во вселенскую инфосеть примитивную капсулу, набитую мыслеобразами, доказав таким образом существование этого поля. А заодно и раздражив прочие разумные виды, не умевшие конструировать инфокапсулы, новой перспективной технологией. Научное сообщество, скрипнув зубами, вновь принялось изучать внепланетных фантазеров – сначала вяло и неохотно, а потом втянулось.

В отличие от своих соплеменников, недолюбливавших понавешанные в космосе шары, которые кто-то постоянно осваивал и делил, Селес, увлеченный, по определению корабля Айи, поисками смысла жизни, в последнее время летал исключительно от одной планеты к другой. Айа же составляла ему компанию, во-первых, по дружбе, а во-вторых, потому, что страдала от другой проблемы – ей постоянно было скучно. Селес, в свою очередь, немного страдал от компании Айи, но молчал.

Светило клонилось к закату, а они всё шли и шли по абсолютно прямой и пустынной дороге. Ничего похожего на предмет его поисков поблизости пока не наблюдалось.

Айа с мазохистским упорством трогала рану на предплечье и явно любовалась выступающей кровью.

– Ты зря не согласилась восстановиться.

– Она что, оторвана? – Айа помахала поврежденной конечностью в воздухе. – Буду я из-за каждой царапины в бак лезть.

– Обмотай чем-нибудь. Хотя бы этим листом.

– На нем микробы!

– А на морфе микробов не было.

– Были. И микробы, и вирусы, и бактерии, и плотоядные инфузории. И спиралехвостки, это как пить дать. Они все нечистоплотные кретины!..

Увлечшись, Айа топнула ногой.

– Осторожно! – воскликнула одна из дорожных плит, и на ней внезапно образовались глаза.

Айа ойкнула и тут же снова попыталась принять нахальный и независимый вид. Селес учтиво поклонился:

– Приносим извинения.

– Принимаю, – буркнула плита. – По мне разрешается ходить, но преднамеренное топтание запрещено.

– Так, значит, вся дорога?.. – Селес отдернул ногу, борясь с внезапным желанием взлететь. – Простите, как неудобно...

– Нет. Я ремонтник, произвожу ремонт выбоины. С собой. А вокруг все больше камень.

Айа осторожно потрогала разговорчивую плиту носком сапога:

– Щекотно?

– Нет. Но ходите, пожалуйста, с уважением. И не наступайте на глаза, пока я их не убрал.

– У вас тут очень красиво, – Селес давно понял, что в любой непонятной ситуации следует взывать к патриотизму собеседника. – Но мы немного заблудились. Не подскажете, как пройти к квадрату четыре-девять-четыре-ро-один-один-восемь-один?

– Я не справочное бюро. Я из дорожной службы.

– В этом квадрате имеются следы пребывания неустановленных видов... артефакты неизвестного происхождения...

– Я не знаю, я ремонтник. Не мешайте работать, пожалуйста.

Светило скрылось, и над горизонтом поднялись три разнокалиберные луны: большая красная, средняя песочно-желтая и крохотная, переливавшаяся всеми оттенками синего. Когда они налились светом и выстроились в ряд, затмевая звезды, Селес остановился, чтобы хорошенько их рассмотреть и зафиксировать в памяти все подробности. Айа тоже полюбовалась лунным парадом, потом ей надоело, и она отошла на обочину, где рассыпал пыльцу фосфоресцирующий белый цветок. Потыкав его пальцем и убедившись, что это точно не морф, Айа сорвала цветок и поднесла сияющую чашечку к лицу.

Сидевшая среди тычинок и пестиков летучая лягушка панически завизжала, а потом хлестнула Айю по носу язычком, оснащенным стрекательными клетками. Айа с готовностью завизжала в ответ, выронила цветок, и из него моментально десантировалась целая лягушачья семья. Лягушки оценили урон, нанесенный их жилищу, и, выстроившись в шеренгу, взвалили его на спинки и полетели

обратно к обочине. Там они нашли истекающий млечным соком остаток стебля, приладили к нему цветок и начали быстро-быстро гладить лапками место слома. Спустя несколько мгновений лягушачий дом стоял на прежнем месте и медленно покачивался, окутанный облаком светящейся пыли.

– И как тебе такое удастся? – удивился Селес.

– Волдырь будет. – Айа почесала нос. – Мы идем или любимся?

Наконец нужный квадрат был найден. Перед ним дорога взбегала на довольно крутой холм, поросший мелкой густой травой. Сверху все наверняка отлично видно, подумал Селес, остановился и прикусил губу. Он искал это место так долго и столько раз представлял себе визит сюда, что теперь ему стало страшно. Ему даже снился квадрат четыре-девять-четыре-ро-один-один-восемь-один во сне, хотя вообще неолюди видят сны нечасто. Селесу мерещились то бесконечные ряды инфоконденсаторов, то музей с молчаливыми сотрудниками, то древние руины, покрытые полустершимися, но отчего-то знакомыми надписями... Один раз даже приснилась огромная яма с бэшио, разумными безголовыми змеями с Руспо-7, хотя они тут были вообще ни при чем.

– Ну? – нетерпеливо толкнула его в бок Айа. – Предмет мечтаний ждет и трепещет!

– Подожди...

– Давай уже!

Селес потоптался на месте, почесал бровь, затылок, ухо, несколько раз глубоко вздохнул и решительно уступил ей дорогу:

– Ты первая.

– Струсил!

– По правилам вежливости самку следует пропустить...

– Да понимаю я.

Айа хлопнула его по плечу, проверила, не вывалился ли опять из-за пояса крюк, ее единственное оружие, и неторопливо пошла вверх по склону.

Селес смотрел, как маленькая фигурка взбирается на холм. Вот она обозначилась силуэтом на самой вершине и неторопливо стала спускаться на ту сторону – казалось, будто Айа медленно погружается в землю.

А он прошелся туда-сюда, три раза проверил крюк, внимательно изучил свои сапоги, взъерошил волосы и наконец попытался связаться с Айей в ментальном поле.

– Не отвечает? Мне тоже, – услышал он спокойный гул ее корабля. – А твой корабль спит. Но ты не волнуйся. Вдохни глубже, у тебя пульс зашкаливает. Давай: вдох, выдох... Могу пока процитировать воодушевляющие банальности. Например: «Рано или поздно поиски вознаграждаются...»

В этот момент Айа снова возникла на вершине холма. Она согнулась вдвое, держась за живот, ее сотрясала крупная дрожь. Селес бросился на помощь и уже на середине подъема услышал, как Айа хрюкает и всхлипывает от смеха.

– Что там? – крикнул он.

Она открыла рот, но снова захохотала и призывно замахала руками. Селес подбежал к ней, остановился, ожидая хоть каких-то объяснений, потом выругался и помчался дальше.

За холмом обнаружился огромный овраг, залитый безжалостным светом трех лун. Он был заполнен до краев – груды скрученного исполинскими спиралями железа, холмы из кусков пластика, механизмы, от которых остался один остов, старые контейнеры, клочья упаковки и огромные кучи чего-то явно органического. В середине одиноко высился маячок, цветовой азбукой предупреждавший, что сюда лучше не садиться. Сначала Селес все это увидел, а потом в нос ему ударил выдающийся по насыщенности и богатству оттенков запах.

Айа выла и стонала от хохота, колотя себя кулаками по коленям. Она забыла о своей ране, и на комбинезоне оставались кровавые следы. Наконец, восторженно булькнув пару раз напоследок, Айа выдохнула:

– Это свалка! Помойка! Здорово же они тебя накололи! Следы пребывания... Незученные образцы... Памятник культуры... Свалка!

Селес был уничтожен, раздавлен, размазан тонким слоем по поверхности проклятой планеты проклятых морфов, этих выкидышей эволюции, сохранившихся лишь по какому-то недоразумению. Зато у них хотя бы была эволюция, была история, им ничего не приходилось искать на ощупь, и теперь они глумились над Селесом, гогоча, показывая на него ложноножками и принимая оскорбительные формы, а он люто их ненавидел...

Перед глазами все слилось в раздражающе многоцветное марево, пульс оглушительно загрохотал в ушах, и спустя секунду Селес вообще перестал что-либо соображать. Он выхватил из-за пояса крюк, закрутил его в руке так, что он превратился в сверкающий серебристый диск, и с ревом бросился вниз, мимо успевшей вовремя отпрыгнуть Айи. Все еще хихикая и вытирая с ресниц слезы, она устроилась поудобнее и стала наблюдать, как Селес с неправдоподобной скоростью мечется среди груд мусора, вертящимся крюком измельчая их в крошево, словно разгневанная и пребывающая в полном отчаянии мясорубка.

Глава вторая,

в которой не происходит ничего интересного, но выясняется, насколько многолико предательство

– Се-елес. Селес, чтоб тебя. Селес?

Айа успокаивающе похлопывала его по плечу. Селес сидел на земле и тяжело, шумно дышал, а его зрачки напоминали две точки от булавоочных уколов. Пока он мало что мог понимать, поэтому она злорадствовала от души.

– Поверил, понесся, молодец. Скажи еще спасибо, что это не выгребная все-таки яма. Я тебе говорила, что ничего ты не найдешь? Говорила. Говорила, что это как сомика-невидимку без сачка ловить в аквариуме, из которого его давно выплеснули? Говорила. И корабль тебе говорил, и все тебе говорили. Нет, полетели: а вдруг?.. – Айа задрала и без того короткий нос и томно закатила глаза, пытаясь изобразить торжественную серьезность: – История! Прошое!.. Зависть – это плохо, Селес. Подумаешь, прошое у них есть. А у нас зато...

– Я все слышу, и у меня болит голова, – неожиданно пробормотал он.

– А у меня рука. – Айа приподняла лист, прилепленный к порезу: – Красиво?

– Прекрасно.

Селес бросил тоскливый взгляд в сторону свалки, изучил свой крюк, похрустел суставами.

– Я никого не убил?

– Некого было – ты, кстати, стал ускоряться даже чаще, чем я. Может, тебе...

– Ускоряться чаще, чем ты, невозможно.

Темы для разговора закончились, и утомленные пришельцы притихли, наблюдая за продолжающимся парадом лун. Айа оперлась локтем о колено Селеса, не заметив этого. Он, тоже машинально, выпутывал из ее волос веточку – просто потому, что его раздражало это случайно попавшееся под пальцы постороннее включение в однородной пушистой массе. Такие рассеянные действия люди, задумавшись, обычно совершают с давно знакомыми неодушевленными предметами. Айа и Селес были давно знакомыми одушевленными предметами. Сейчас, впрочем, они скорее походили на маленьких детей, замороженных красотой видеообразов в познавательной инфосетевой программе, которую их заставили смотреть для общего развития.

– А на лунах у них кто-нибудь живет? – почему-то шепотом спросила Айа.

– На большой вроде бы добывают какие-то полезные ископаемые. Инто, большая луна называется Инто, я вспомнил. А на Тилевериссо, это синяя, – научная станция, я ее заметил, когда мы пролетали мимо... Про третью не знаю, надо уточнить.

Она промолчала, даже не посмеялась, как обычно, над дотошностью Селеса. А потом вздохнула:

– Издалека планеты все-таки красивые. И зачем всех обязательно тянет спуститься, любовались бы так. Это же все равно что разглядывать траншейные картины на дюнах Орето с поверхности, а не с воздуха, никакого смысла...

Айа любила недоумевать. Особенно из-за того, как неправильно, с ее точки зрения, устроен мир. Сперва это ее свойство Селеса умиляло, потом начало потихоньку раздражать. Но он не стал ей отвечать не потому, что рассердился, а потому, что именно в этот момент кто-то принялся настойчиво ломиться в его личное ментальное пространство. Неолюди и корабли называли это «стучаться» и особо не задумывались, как описать сам процесс для других. Но если бы, например, Айе вдруг понадобилось просветить представителя иной расы, она бы сказала примерно следующее: «Это как будто твои мысли вдруг начинают путаться. Ты забываешь, о чем только что думал, а мыслеобразы в твоей голове перекраиваются, составляются в каком-то другом порядке... Будто кто-то думает свои мысли в твоей голове. А оно, собственно, так и есть. И вот тут ты понимаешь, что это чужие мыслеобразы, а их хозяин уже постучался и разговаривает с тобой. Но вообще это происходит так быстро, что ничего толком и не замечаешь. Почему тогда столько подробностей? Ну попросили же!»

– Долго еще вас ждать? Нашел, что хотел? Вы целы? На вас напали? Что случилось? На меня выпала роса, не могу прогреться, – прорвался наконец к своему симбиотическому партнеру корабль Селеса. – Ты слышишь? Что такое? Куда вы делись? Здесь холодно и мокро, мне не нравится!

– Все в порядке. Я ничего не нашел. Скоро будем.

– Как не нашел? Почему? Тебе же дали координаты. В научном центре!

– Я нашел место, но здесь совсем не то, что я думал.

– А что там тогда?

– Помойка, – вклинилась в разговор Айа.

Ментальное поле сотряс средней оглушительности пушечный выстрел: корабли засмеялись.

– Мы скоро будем, – повторил Селес. – Научный центр по осмыслению закономерностей... Шарлатаны! Даже запроса не поняли! Все же с ними сразу было ясно, зачем я только полетел...

– Вот-вот, и я тебе говорю – зачем мы мотаемся туда-сюда? – подхватил корабль.

– Осмысление закономерностей – очень важный вид научной деятельности. К нему не допускают представителей многих рас, потому что они просто не проживут достаточно долго, чтобы закончить обучение. Но и осмыслители закономерностей могут ошибаться, а ты, Селес, сам знаешь, зачем полетел.

Все хранили почтительное молчание, только у Айи еле заметно подрагивали губы.

В ментальном поле опять грохнул пушечный выстрел:

– Я же обещал воодушевляющие банальности, вот они и пригодились.

– Корабль, ты негодяй.

– Как цензурно и архаично. Айа, ты растешь над собой.

– Давайте потом поговорим? – сдержанно попросил Селес. И, не дожидаясь ответа, покинул ментальное поле.

Он спустился с холма так быстро, что Айе, увлекшейся словесной пикировкой с кораблями, пришлось его догонять. С дорожных плит взлетали облачка тонкой белой пыли, которые долго еще плыли в лунном свете. Селес старался не наступать на стыки между плитами, эта игра оказалась довольно увлекательной, и боль от разочарования стала потихоньку утихать.

– Ну как, нашли? – осведомилась вдруг одна из плит – та самая, что ремонтировала собой дорогу.

– Нет, – процедил он и ускорил шаг.

Корабль с негромким хлопком отбросил в сторону люк, и Селес забрался внутрь. В нагретом теле корабля было душно и темно, но усталый и расстроенный нечеловек не стал просить дать свет.

Когда люди – настоящие люди – впервые заглянули внутрь неокораблей, разумного транспорта, запальчиво утверждавшего, что он никакой не транспорт, а отдельная форма жизни, они были удивлены и раздосадованы. Вместо ожидаемых влажных неровных стен, покрытых пульсирующими кровеносными сосудами и обязательной липкой гадостью, вместо бугристого пола цвета ангинного горла, тоже покрытого гадостью, и всяких опухолевидных отростков они увидели унылую маленькую каюту с безобразно ровной и гладкой обшивкой. За переборкой стоял огромный бак, о назначении которого первопроходцы сразу же догадались, но уточнить постеснялись. А зря – догадка оказалась неверной. На самом деле это был тот самый бак для восстановления гуманоидной составляющей. Посреди каюты на небольшом пьедестале стояла конструкция, откровенно напоминавшая гроб. Точнее, она напоминала древний саркофаг. Сами неолюди называли эту штуку «лгориихохиироглом», но слово «саркофаг» им понравилось, хоть палиндромом оно и не было. Поэтому они взяли это слово себе.

Над саркофагом в потолке располагался большой иллюминатор из прозрачного неизвестно чего, выдерживавшего, по слухам, прямое попадание фотонной торпеды. Правда, сам корабль его не выдерживал. Когда неокорабль спал или просто, как сейчас, стоял без дела, он закрывал иллюминатор глухим щитом.

Селес открыл саркофаг – внутри, как и сам корабль, гладкий и теплый, – присел на его край и принялся задумчиво расстегивать липучки на комбинезоне. На липучках держались квадратики особо плотной ткани, своеобразные съемные заплатки. Как почти все неолюди, Селес считал собственное тело уродливым, а потому никогда не раздевался перед тем, как лечь в саркофаг, – в конце концов, корабль и без того видит в жизни достаточно мерзостей.

Заплатки закрывали четыре свищевых отверстия: на шее справа, под обеими ключицами и слева под ребрами. Все анекдоты про неолюдей непременно включают в себя шутки про эти дополнительные дырки в теле – и, конечно, про то, для чего они нужны. Взрослые разумные особи отчего-то упорно видят в процессе симбиотического подключения нечто не совсем пристойное. Взрослые особи вообще видят непристойное практически везде, при этом не догадываясь, как говорят мудрые лентяи ка'антхажи, «обвинить свою сетчатку».

Свищевые каналы уходили довольно глубоко, и Селес зябко поежился, устраиваясь в саркофаге. Хотя в кабине и было тепло, ему казалось, что его продувает насквозь.

Из углублений в днище саркофага быстро выползли юркие полые трубки. Отверстия предназначались для них, они заползали внутрь и, немного покрутившись, затихали. Последняя трубка ткнулась в дырку на шее, но немного промахнулась, Селес поморщился и приподнял голову, чтобы помочь ей занять свое место. Теперь он был полностью подключен.

– Почти ничего, – разочарованно прогудел корабль. – Ты ускорялся?

– Да.

– И энергия темная и тяжелая... Мне такая не нравится.

– Не заряжайся.

– Потрясающе смешно. Ты так остроумен. Подожди, соблюдай дозировку, в конце концов... Да что ты делаешь, я ведь прошу! Фу, какая гадость, нельзя так расстраиваться по пустякам, это же просто беспросветный мрак...

– Бери, что есть. И, пожалуйста, закрой крышку саркофага. Спасибо.

Между Айей и ее кораблем происходила более эмоциональная беседа. Айа не хотела восстанавливать порезанную руку, потому что немного гордилась боевым ранением. А корабль читал ей лекцию о вредоносных микроорганизмах, спиралехвостках, грибах, чьи споры попадают в раны и прорастают там. О

реонских трезубках, которые, опять же, попадают в раны, причем, по слухам, намеренно – на самом деле это секретное биологическое оружие, – прорастают и вытесняют личность хозяина. А также живописал мучения несчастных, умирающих от потери крови.

– Ну мне так нравится! Глубоко, кроваво и совсем не опасно. Можно представить, что я герой войны...

– Ты говоришь так, будто это хорошо... И какой же войны?

Айа попыталась незаметно подключиться к инфокапсуле с энциклопедией, хранившейся в ее личном ментальном пространстве, но почувствовала насмешливое внимание корабля и выпалила:

– Кровопролитной!

– Ну что тебе стоит немного...

– Ты еще не зарядился. Вот давай ты зарядишься, и я сразу же в бак...

– Ладно.

Айа полюбовалась на звезды, побарабанила по дну саркофага пятками, хмыкнула, вспомнив злополучную помойку, и заскучала. Корабль иногда задавался вопросом, для чего судьба наделила его гуманоидную составляющую, бо?льшую часть жизни проводящую в саркофаге, таким беспокойным и деятельным характером. Он немного завидовал кораблю Селеса, которому достался рассудительный, умный и вообще во всех отношениях зрелый неочеловек. Если признать вероятной гипотезу, что неораса выросла на деревьях в каком-то неведомом первом мире, то Айа свалилась с ветки раньше времени. Кстати, гипотезу о деревьях предложила именно она.

Но кораблю многое в ней нравилось. Например, то, как ее длинные спутанные волосы щекотали дно саркофага. А еще она была маленькая и удобная, ее было приятно прятать в себе и осознавать, что защищаешь это забавное и уязвимое существо от враждебной окружающей среды.

На посадочной площадке их встретил персонал, принявший ради гостей гуманоидное обличье. У некоторых не было носов, у некоторых – глаз, морфы выращивали нужные части тела где придется и вообще напоминали тех подпорченных мертвецов, которые, согласно человеческим легендам, когда-нибудь массово выкопаются из-под земли и положат конец цивилизации. Айа и Селес этих легенд не знали, но все равно вздрагивали, когда рядом с ними появлялся очередной сотрудник. Несколько таможенников, превратившись в коврики, покрытые чуткими ворсинками, тщательно досматривали, а заодно и протирали корабли снаружи и изнутри.

– Цель посещения достигнута? – вежливо спросил безухий морф со свернутой набок челюстью, досматривавший Селеса.

– Нет. Но мы видели парад лун. Очень красиво.

Морф засиял от патриотической гордости, причем буквально – его нежно-зеленая кожа начала флуоресцировать.

– Жаль, вы не застали лунного пламени. Бывает раз в десять шиарийских лет. Луны начинают полыхать разными цветами, светло как днем. А вокруг Инто образуются радужные кольца, такие плотные, что прямо хочется потрогать...

Морф, который обыскивал Айю, был настроен не столь сентиментально. Убедившись, что, кроме крюка, у гостя ничего подозрительного нет, он дернул

ее за порезанную руку:

– Как получили ранение?

Айа хотела было посоветовать морфам лучше воспитывать своих детенышей и не отпускать их гулять одних, но получила молниеносную ментальную взбучку от обоих кораблей и благоразумно соврала:

– Упала.

– Местная флора – изымается. – Морф снял с ее руки лист, побрызгал на рану антисептиком и подтолкнул Айю вперед: – Санитарный досмотр.

У длинного ряда рамок с датчиками уже стоял Селес. Представитель персонала, сидевший за пультом управления, щелкал щупальцами по кнопкам и объяснял:

– Редкие микроорганизмы также не подлежат вывозу. Амебы, инфузории... Ну и... некоторые посетители провозят ценные предметы... ну, вы понимаете... внутри.

– Понимаю... – Селес беспокойно посмотрел на рамки. – Идти?

– Один момент... Да, пожалуйста.

Селес медленно двинулся вперед по детекторному коридору. Морфы проявляли крайнюю щепетильность в вопросах вывоза чего бы то ни было с их материнской планеты – а колоний у них практически не имелось, и, возможно, именно потому, что создание колоний как раз предполагает вывоз за пределы родного мира всяческих ценных предметов и организмов. Селес вполне допускал, что в случае положительного результата досмотра рамка оцетинится острыми лезвиями. Или порубит его на кубики лазерной сеткой.

В таких приятных раздумьях он прошел последнюю рамку, за которой его встретило нечто переливающееся и крылатое.

– Всё в порядке, возвращайтесь на корабль. Я вас доставлю.

Морф схватил Селеса в охапку и с треском взлетел под потолок таможенной станции.

В ожидании своей очереди Айа рассеянно пересчитывала конечности оператора.

– Один момент... – безостановочно щелкая и жадно всматриваясь в мониторы, бросил он. – Идите.

Селеса поставили на пол рядом с кораблем, когда Айа уже вошла в коридор.

– А вам видно мои кишки? – поинтересовалась она.

– Да... они заметно недоразвиты для человеческой особи. Необычно.

– Я не человек, я оммо, – оскорбилась Айа.

– Мы считаем вас... подвидом.

– Еще чего! Я не имею никакого отношения к этим вонючим...

И тут сработала одна из рамок. Она истерически запылала красным, и помещение станции наполнилось воем сирены.

– Что такое? – Селес кинулся к Айе, но его ухватили за плечи два таможенника. Один из них быстро приставил к его шее инъектор. – Не собираюсь я ускоряться, что вы де...

Это был доапон, препарат, блокирующий ускорение. Неолюди называли его невероятно длинным словом, переводившимся как «подлая смесь». На некоторые планеты вообще нельзя было попасть без укола, так что возмущаться Селес не стал. Ускорение действительно было неконтролируемым и крайне опасным для всего окружающего процессом.

Судя по визгу Айи, она тоже подверглась инъекции.

– В чем дело? – по возможности спокойно спрашивал Селес у державших его морфов. – Что у нее нашли?

Айю аккуратно, но стремительно выволокли из коридора рамок, расставили вокруг нее какие-то кубические устройства, и переливающийся прозрачный купол сомкнулся над ее головой.

– Сентелия, – укоризненно сказал Айе один из таможенников. – Вы не падали, ранение нанесено морфом.

– Ну, нанесено. Но потом мы разошлись мирно, честно! – Айа ткнула в поле пальцем, брызнули искры. – Заберите свою сентелию и отпустите меня уже!

– Невозможно, – покачал щупальцами оператор. – Заболевание смертельно, и оно...

Корабли и Селес подняли страшный гвалт, а Айа, внезапно ставшая грустной и взъерошенной, обиженно посмотрела на свое порезанное предплечье, как на друга, совершившего подлость.

– Спокойно, я проверил, сентелия смертельна только для морфов, – спустя мгновение сообщил корабль Айи.

Селес шумно выдохнул.

– Где вы получили ранение? – строго спросил таможенник.

– Не скажу.

– Она... мы встретили детеныша морфа, и он... – попытался объяснить Селес.

– Молчать! – взвизгнула его спутница. – Пока не отпустите меня, ничего не узнаете!

Морфы недоуменно переглянулись. Айа врезала по силовому куполу кулаком и тут же запрыгала на месте, шипя от боли и прижимая руку к груди. Судя по всему, это ее ничему не научило, потому что спустя мгновение она пнула его

ногой.

– Мы не вправе вас отпустить, – сказал таможенник. – Во-первых, мы должны выяснить точные обстоятельства заражения, во-вторых, определить штамм. В-третьих, вы – носитель опасной инфекции и должны быть изолированы.

– Какой я вам носитель?! – завопила Айа. – Да я в жизни больше не вернусь на эту планету, я улечу – и все! Если эта штука смертельна только для вас, кого я заражу, идиоты?!

– Я бы попросил вас... – обиженно начал оператор.

– Я бы попросила вас выключить эту штуку к вязликам хэенским! Никого я не заражу! Кроме вас, если вы меня сейчас же не отпустите! И вообще, я на вас уже начихала!

– Заболевание не передается воздушно-капельным путем.

– Черт!

– Вы можете посетить колонии морфов. Вы можете встретить морфов в...

– Ничего я не могу! Да нет у вас колоний! И ноги моей там не будет!

– Нет гарантии, что...

– Честное слово!

– Нет га-ран-ти-и. Замолчите.

Селес смотрел на буйствующую под силовым куполом Айю с другого конца рамочного коридора и лихорадочно соображал, что делать. В ментальном поле шел ожесточенный спор: все наперебой предлагали разные, но одинаково нереалистичные способы выхода из ситуации, и каждый доказывал, что его способ – наилучший. Айа оглушительно требовала немедленно поубивать всех таможенников и бежать на Каил, почему именно на Каил – осталось загадкой.

– А нам-то что делать? – спросил наконец корабль Селеса.

– Вы можете покинуть станцию, вы не заражены, – ответил один из таможенников.

И тут корабль Айи озвучил вполне логичный вариант:

– А если мы предложим, к примеру, установить на мне маячок, который будет предупреждать всех встречных морфов, что на борту сентелия? Тогда в колонии нас просто не пустят...

Таможенники задумались.

– Сообщу начальству, – сказал наконец один из них и куда-то ушел.

– Сразу было понятно, что добром это не закончится.

– Спокойно, сейчас все уладим.

– С ней всегда что-нибудь случается, с ними со всеми всегда что-нибудь случается. Зачем они выходят на планеты... Зачем у них вообще есть ноги?!

– Да прекратите вы все! – вмешалась Айа. – Зачем у нас вообще есть вы?.. Кстати, к чему готовиться-то, какие у этой сентелии симптомы?

Корабль Айи раздраженно запустил в нее большой медицинской статьей, и тут вернулся таможенник.

– Предложение о маячке принимается с рядом дополнительных условий, – сообщил он. – Но мы все равно должны провести исследование зараженной особи.

– Это какое еще исследование? – Айа уперла руки в бока.

– Все виды анализов, установление обстоятельств заражения, определение штамма...

– Вы будете меня препарировать? Чудесно! До вечера уложите?

Морфы зашушукались, поглядывая на нее.

– Вы изолированы как минимум на двадцать условных суток, – сочувственно пояснил оператор.

– Что-о?! – Айа с удвоенным энтузиазмом возобновила попытки пробить поле. – Селес! Корабль!

– Другая симбиотическая пара может лететь, – успокоил ее оператор.

Селес посмотрел на пойманную в радужный купол Айю, потом в пол, потом на свой корабль, потом опять на Айю. Было обстоятельство, делавшее для него ожидание в двадцать суток еще более невыносимым, чем для нее. Он уже несколько шиарийских лет оставлял и в ментальном поле, и во всех секторах инфосети – человеческом, реонском, шиарийском и прочих – послание, в котором просил откликнуться ученых, исследователей и вообще всех, кто обнаружил где-либо артефакты, постройки – любые следы, которые не удалось с уверенностью приписать какой-либо известной цивилизации. Селес просил об одном – прислать ему координаты находки. В ответ он получил терабайты спама, несколько ультиматумов неорасе в целом, одно объявление войны – от планеты с численностью населения в две тысячи индивидуумов, не способных даже самостоятельно передвигаться, – и всего четыре настоящих отклика. В двух речь шла о всем известных руинах на Орето и Далиле, так называемых башнях працивилизации – Селес сам давно их изучил и не нашел ничего, кроме толп туристов. Еще один набор координат привел его и присоединившуюся к экспедиции Айю на местную помойку, где многие артефакты действительно нельзя было идентифицировать – и уж тем более нельзя было понять, кто и зачем их выбросил. А к последнему сообщению, на которое только и уповал теперь Селес, прилагалось весьма странно составленное приглашение посетить некую планету № 835***867 – вот так, с закрытой частью номера. И срок истекал через шестнадцать суток. Судя по координатам, планета, с которой пришло сообщение, находилась далеко от оживленных трасс, постоянных точек входа-выхода и отстойников рядом с ней не было, и Селес не знал, как долго придется

нырять на изнанку за разными транспортниками в надежде, что один из попутчиков подведет его корабль достаточно близко. К тому же ответ с этим приглашением пришел не через инфосеть, а в ментальном поле, и Селес рассчитывал не только найти что-то действительно стоящее, но и встретиться с кем-то из соплеменников – а пересекались представители невозможного вида крайне редко.

– Не-ет... – потрясенно протянула Айа, угадав ход его мыслей – в ментальном поле он хранил предусмотрительное молчание. – Нет-нет-нет!

– Мы очень быстро, – делал успокоительные пассы Селес. – И сразу же вернемся за вами.

Айа даже перестала ломиться наружу.

– Я из-за тебя сюда прилетела, – тихо и серьезно сказала она. – Я из-за тебя заразилась...

– Мы сразу же вернемся, – еще раз пообещал Селес и, повернувшись к ней спиной, быстро направился к своему кораблю.

– Я бы тебя не бросила! – крикнула Айа и разрыдалась: – Я бы не бросила! Предатель! Чертов предатель! Ненавижу! Преда-а-ате-ель!..

Не говоря ни слова и отключившись от ментального поля, Селес залез в свой саркофаг. Он-то понимал, что никаким предательством тут и не пахнет, и двадцать шиарийских суток, если у тебя нет безотлагательных дел, – вообще не срок, а все произошедшее – просто досадное недоразумение. А у Селеса безотлагательные дела как раз были, и за последние дни он убедил себя, что от посещения этой последней точки будет зависеть все – либо он все-таки что-нибудь узнает, нащупает первую зацепку, либо оммо так и останутся невозможным видом без прошлого и без истории. И внезапно на пути к великим открытиям оказалась Айа со злополучной морфовой болезнью и категорическим нежеланием оставаться без компании... От этой мысли Селес даже немного разозлился, причем не на таможенников или заразного морфенка, а на Айю. Крюк потеряла, морфенка хватала, отказалась сразу восстановиться и шастала с открытой раной черт знает где... Впрочем, он все равно был полон решимости

вернуться еще до того, как Айю выпустят из карантина, – если подвернется удачный попутный транспортник. И не сомневался, что Айа забудет о своей страшной обиде еще до его возвращения.

Все эти безутешные рыдания с драматичными обвинениями в предательстве были очередным спектаклем, который Айа, впрочем, играла искренне, с таким упоением, что даже сама поверила. Уж он-то изучил ее за эти двадцать восемь лет.

А все равно было как-то не по себе.

Глава третья,

в которой Селес несколько теряется и пользуется большой популярностью

«Пожалуйста, стыкуйтесь, располагайтесь и ждите своей очереди. Пожалуйста, стыкуйтесь...»

Воркующий женский голос говорил на третичном англианском, и фразы были склеены из отдельно записанных слов, отчего доброжелательный автомат спотыкался и резко менял интонацию.

«Пожалуйста, стыкуйтесь...»

Селес попросил отключить связь и сел в саркофаге, выдергивая из тела соединительные трубки.

– Что тебе не нравится? – спросил корабль.

– Неживой голос... И какая очередь, ты видишь здесь очередь?

– Обыкновенная запись. Мы стыкуемся или продолжаем изображать спутник?

– Дай с другой стороны посмотреть.

Корабль, раздраженный долгими скитаниями по изнанке, дал такой резкий крен, что Селеса чуть не выбросило из саркофага. Бормоча что-то ругательное и потирая ушибленный бок, неочеловек посмотрел в иллюминатор и увидел парящий во тьме огромный металлический додекаэдр, мирно мигавший красными габаритными огнями.

– Ну? Так мы стыкуемся?

– Да. Только не уходи из поля, пожалуйста.

– Не будет тебе тут приключений, не надейся. Обычная орбитальная таможня.

При слове «таможня» Селес вспомнил взревевшую над Айей рамку, суету, слезы и крики...

Сразу после взлета с планеты морфов они удачно нырнули в воронку за неизвестной принадлежности транспортником, но тот, разумеется, летел совершенно в другую сторону. Неокорабли не умели сами выходить на изнанку и пристраивались к первому подвернувшемуся кораблю с более продвинутым оборудованием. Следующий найденный транспортник был реонским, и корабль полз за ним тихо-тихо, а потом долго выжидал в точке выхода и еле успел проскользнуть в воронку перед самым схлопыванием – перспектива застрять на изнанке пугала его меньше, чем возможная встреча с доблестными сынами Ожерелья Рео. Зато реонцы, как выяснилось, привели их к большому отстойнику – перевалочной станции, поддерживающей стабильную воронку в точке пересечения нескольких оживленных маршрутов.

В отстойниках в ожидании открытия своей ветки всегда томилось много кораблей, так что выбор попутчиков был богатый. Они упали на хвост грузовому беспилотнику, вместе с которым дошли до отстойника помельче, потом сменили еще несколько попутчиков, каждый из которых подводил их все ближе к цели, и, наконец, встретили человеческий транспортник, который вел себя несколько странно, но летел вроде бы в нужном направлении. Селесу удалось уже в тоннеле с ним связаться и упросить пьяного по случаю получки – он сам так сказал – капитана выбросить их с изнанки поблизости от искомого квадрата, где должна была находиться планета № 835***867. Капитан всю дорогу рассказывал

ему про свою малоувлекательную, но напряженную работу, обширную семью и даже обещал познакомить со своей старшей дочкой, так как Селес показался ему «приличным человеком». Тот так боялся, что капитан не откроет им внеплановую воронку, что не сообщил новому приятелю о своей истинной видовой принадлежности.

В пути они провели семь шиарийских суток. В сроки пока укладывались, но Селес хотел вернуться пораньше – в первую очередь потому, что не знал, что именно входит у морфов в программу анализов и исследований при обнаружении сентелии. Вдруг они решат вынуть Айе мозг, и кто их остановит? Конечно, у Айи есть корабль, который будет все ревностно контролировать, но обитатели планет почему-то неохотно вступают в контакт с говорящими кораблями и вообще относятся к ним несерьезно.

О том, что во всей этой путевой суматохе он забыл ознакомиться с симптомами сентелии, Селес подумал только тогда, когда его корабль уже пристыковался к додекаэдру. И тут же забыл снова.

– Не уходи из поля, – напомнил он, с подозрением разглядывая изъеденные временем бурые стены, по которым ручейками пробежали разноцветные огоньки.

Воздух был чистый, если не считать некоторого количества пыли, и холодный. Коридор оказался безлюдным, и любой звук многократно отскакивал от стен, как мячик, поэтому шаги Селеса производили невероятный грохот. Дойдя до следующей двери, он остановился и, чувствуя себя полным идиотом, спросил в пространство:

– Простите, а где здесь очередь?

Не дождавшись ответа, Селес проверил крюк на поясе и по возможности бодро вошел в открывшийся проем.

В помещении было довольно светло, над рядами каких-то приборов склонились человеческие фигуры.

– Здравствуйте, – обрадованно выдохнул Селес.

Фигуры молчали. Немного привыкнув к освещению, он подошел к ближайшему сотруднику:

– Извините...

Сотрудник весело скалился в свой монитор всеми зубами. На фоне темной мумифицированной кожи они казались особенно белыми. Селес охнул и шарахнулся в сторону, задев другого покойного обитателя станции, у которого не замедлила отвалиться рука.

– Корабль?!

Корабль в данный момент изучал крайне интересную инфокапсулу развлекательного содержания.

Селес попытался успокоиться. Попадая в подобные ситуации – хотя в такую он прежде не попадал, – он всегда старался первым делом успокоиться и предположить, что просто что-то не так понял.

– Люди... – сдавленным голосом окликнул он мертвый персонал.

Люди улыбались ему так радостно, как только могут улыбаться мумифицированные трупы, и молчали.

– Небоматерь добронравная... – Каильскую прабогиню, блюстительницу седьмого благочестия, Селес поминал все только в минуты крайнего смятения, поскольку однажды получил за это в челюсть от странствующего монаха с Каила, который оказался категорически против культурных заимствований.

В этот момент дверь на другом конце помещения отъехала в сторону, и навстречу неочеловеку ринулось маленькое тупомордое животное, покрытое разноцветным мехом. Пульс привычно ускорился, в ушах застучало, зрачки Селеса начали стремительно уменьшаться.

Животное ткнулось ему в сапоги и стало с остервенением полировать их своим мехом, вибрируя и издавая противные тонкие звуки.

«Это же...» – ускорение остановилось, а Селес начал напряженно вспоминать, где уже видел таких зверей и как они называются.

– Здра-авствуйте, – пропел мужской голос.

Отвлечшись на атаковавшее его существо, Селес не заметил, как в дверном проеме возникла еще одна фигура. Это, несомненно, был человек, высокий и округлый. Точнее говоря, как-то дружелюбно и умиротворяюще толстый. Человек быстро подошел к Селесу, протянул пухлую потную ладонь и ласково представился:

– Петерен. А это Сет, наш орбитальный кот. Вы ему понравились.

– Кот... – Селес невольно обрадовался тому, что наконец нашел нужное слово.

– Давайте, мы же вас ждем. – Не дождавшись ответного рукопожатия, толстяк сам ухватил руку Селеса и потряс ее. – Проходите, что вы тут застряли?

В маленькой уютной каюте было тепло и пахло выпечкой. Петерен сидел за своим столом, задумчиво отбивая ладонью замысловатый ритм.

– Не знаете эту песню? – неожиданно спросил он.

Селес заполнял самую сложную в своей жизни анкету. Во-первых, она была на бумаге и к ней прилагалась палочка для письма, выскальзывавшая из пальцев. Во-вторых, ее следовало заполнить в двух вариантах – на третичном англианском (Селес не умел на нем писать, и толстяк любезно согласился сделать все потом под его диктовку) и на родном языке прибывшего. В-третьих, на палиндромоне писали спиралью – справа налево, вверх, слева направо, отступ, вниз, и снова справа налево. Поэтому Селес извел уже кучу бланков, пытаясь рисовать значки как можно мельче. В-четвертых, его атаковали орбитальные коты, которых на станции, по словам толстяка, было штук десять.

– Они забавные, хлопот мало, а тут так скучно, – объяснил Петерен.

Пока пришли шестеро. Коты терлись об ноги Селеса, лезли ему на колени, прыгали на стол, тыкались усатыми мордами в лицо. Неочеловек терялся в догадках, чему обязан такой популярностью у этих маленьких меховых тварей.

– Наверное, вы чем-то таким пахнете, – предположил миролюбивый толстяк.

Кое-как изобразив в отведенной графе цель прибытия, Селес все-таки не выдержал. Он знал, что люди не любят и боятся говорить о своих мертвецах, но воспоминания о комнате, полной улыбающихся мумий, не давали ему покоя.

– А те люди... мертвые... за приборами... Что там случилось? Авария? Какая-то болезнь?

– Нет, что вы. Это персонал платформы. Работники.

Селес нахмурился, снова заподозрив неладное:

– Но ведь они... уже не могут работать.

– Понимаете, сначала мы отправляли покойников вниз. Но это так неудобно, к тому же землю под могилы выбить невозможно, экономят сейчас ресурсы, знаете ли. А жили мы тут целыми поколениями. Потом стали выбрасывать в космос. Но это, согласитесь, как-то аморально... бесчеловечно.

Селес кивнул, шурша анкетой.

– Вот мы и решили не лишать их после смерти того, что они так любили при жизни. Работы, – уточнил Петерен, встретив вопросительный взгляд собеседника. – Поэтому трупы проходят специальную обработку – чтобы, разумеется, никакой гнили и запаха, – и переводятся, как мы это называем, «на почетную должность». Стаж, кстати, сохраняется. Эти люди прожили здесь всю жизнь, пусть и останутся тут... на родине. Понимаете?

Селес не понял, но снова кивнул. Когда они с Петереном шли сюда по коридорам, навстречу им попадались только коты.

– А из... живых работников тут только вы?

– Нет-нет. – Толстяк посмотрел на него сочувственно и снисходительно. – Еще человек семь осталось. Просто мы работаем на разных концах платформы. Ну и, конечно, эти вот... ваши поклонники.

Селес заполнил последний пункт. К середине он начал мухлевать и сокращать слова до одной-двух букв. Что-то подсказывало ему, что дружелюбный толстяк не знает палиндромона.

Коты с яростным урчанием бились под столом об его ноги. Петерен, видимо, вспомнил песню, потому что стучал уже гораздо быстрее и увереннее.

– Кажется, все, – вежливо напомнил о себе Селес.

– Прекрасно, теперь заполним на англианском. – Толстяк достал из ящика пару листов бумаги и занес над ними пишущую палочку. – Итак: видовая принадлежность?

– Омтуроскевиовиливоривексорутмо.

Уже на первой трети слова толстяк вытаращил глаза и перестал писать. Его поразила не только длина конструкции, но и то, с какой скоростью ее выговаривал миниатюрный человечек.

– По слогам, пожалуйста, – немного придя в себя, попросил Петерен.

– Запишите на свернутом: «оммо», – Селесу стало немного совестно за родной язык. – Или так, как вы нас называете, – «неочеловек».

В воздухе снова повисла тягостная пауза.

– Так вы человек?

Селес нервно почесал колено, обнаружил, что вместо него почесал сидящего на колене кота, согнал животное и попытался напомнить:

– Это же вы нас так называли. Новые люди. Потому что, когда мы с вами вступили в контакт, выяснилось, что у нас очень много общего.

– В какой еще контакт? – подозрительно прищурился Петерен. – Мы с вами раньше не контактировали.

– Вы, наверное, нет, но...

Обитатель додекаэдра вздохнул, размашисто записал что-то и продолжил:

– Численность вида?

– Тысяч пять, – неуверенно ответил Селес и, заметив, что Петерен вновь стремительно приходит в изумление, решил увеличить цифру: – Десять...

– Вымираете? – деловито поинтересовался толстяк. – Война? Эпидемия?

– Вроде нет. Понимаете, раньше мы жили довольно далеко отсюда.

– Зачем переселились?

– Все вышло спонтанно. Мы вообще помним все довольно смутно... Вероятно, последствия контузии.

– Вы беженцы?

– Да нет же. Просто путешествие вышло не из приятных. Понимаете, там... – Селес задумчиво указал на потолок, и Петерен послушно уставился туда. – Там, где мы жили раньше, далеко отсюда, была одна высокоразвитая технологически цивилизация. Не помню, как они себя называли, но в данном случае это не важно. Они решили вывести на орбиту своей планеты пространственные установки, чтобы открыть стабильные воронки для выхода на изнанку прямо там. Согласитесь, это было бы очень удобно – не добираться до ближайшей точки входа-выхода в космосе, а лететь куда угодно практически из дома.

Судя по выражению лица Петерена, он не был готов согласиться, более того – он, похоже, вообще ничего не понимал.

– Одна из установок взорвалась, началась цепная реакция...

– Вы взорвали?

– Нет! – Селес даже подпрыгнул от неожиданности. – Не знаю, из-за чего она взорвалась, но... в итоге образовалась сверхворонка, в которую, к сожалению, и провалилась планета. Она просуществовала недолго, а точки помельче еще оставались открытыми. Наши корабли не способны выходить на изнанку самостоятельно, и многие решили воспользоваться такой возможностью, пока воронки стабильны. И... и мы с кораблем в том числе, – Селес совсем растерялся, но решил, что рассказывать нужно до конца – может, тогда его наконец поймут. – Тоннели схлопнулись во время полета, и кто-то так и остался на изнанке, кого-то выбросило неизвестно где, и мы потеряли с ними контакт, а несколько тысяч симбиотических пар оказались в вашей части Вселенной. И вот с тех пор... мы здесь.

Толстяк покачал головой и углубился в анкету.

– Путано, но любопытно... Возраст?

Селес начал считать в уме, сбился и красноречиво развел руками.

– Много? – уточнил Петерен.

– Да.

– Имя?.. Ах да, вы представились. Пол?.. Ах да... – Толстяк постучал пишущей палочкой по столу. – Мужской, правильно?

Селес немного обиженно кивнул.

– Габариты... – промурлыкал Петерен. Он и сам чем-то напоминал многочисленных орбитальных котов. – Встаньте, пожалуйста.

Неочеловек послушно поднялся. Толстяк поводил руками в воздухе, беззвучно что-то бормоча, и с удовлетворенным видом сказал:

– Садитесь. Расцветка – белый с черным и коричневым... Кстати, вы бледноваты, со здоровьем все в порядке?

– Да... – рассеянно ответил Селес, рассматривая свои руки. Он никогда раньше не задумывался, какая у него расцветка.

– Цель визита?

– Научные изыскания.

– Прекрасно. Минуточку, посмотрю, нет ли ошибок...

Большой черный кот залез на стол, уселся прямо на анкету и посмотрел на Селеса в упор ничего не выражающими желтыми глазами. Похожие глаза, с постоянно меняющимися размер зрачками, были у сынов Ожерелья Рео – но сами реонцы были, конечно, куда менее симпатичными.

– Не знаю, уместен ли этот вопрос... – Селес попытался оторваться от гипнотизирующего взгляда кота. – Но почему у вас принято жить на таможене целыми поколениями?

Брови Петерена стремительно взлетели вверх.

– Вы думаете, это таможня?!

– Да...

– Это... это аванпост нашей цивилизации! – Толстяк начал наливать краской как спелый помидор. – Место, которое годами готовили для первого контакта! Мы жили и умирали здесь, мы ждали годами, десятилетиями, понимаете?!

Селес скинул кота со стола:

– Чего ждали?

– Вас!

Петерен отвел Селеса, безуспешно пытавшегося сопоставить только что полученную информацию с уже имеющейся, в большой круглый ангар, в центре которого виселось нечто, похожее на фрагмент гигантского прозрачного трубопровода. Вокруг него стояли те самые семь человек – бесцветные, неопрятные, располневшие от сидячей работы, бледные и невероятно счастливые. Среди них были две самки, и они утирали слезы, влюбленно глядя на Селеса и улыбаясь. Самый молодой работник станции, с длинными жидкими волосами и спелыми прыщами на лбу, подскочил к неочеловеку и, глядя куда-то вбок, прошептал:

– Можно вас потрогать?

– М-можно, – отпихивая очередного кота, согласился Селес. Юноша неприятно мягкой рукой прикоснулся к его запястью, отчего оммо немедленно покрылся мурашками.

Раздался громкий свист, стены помещения затряслись, и в прозрачной трубе, победно чпокнув, остановилась такая же прозрачная капсула. В ней стояли пятеро в военной форме. Размеры капсулы позволяли им разместиться там довольно комфортно.

– А вот и ваш эскорт!

– Что это?..

– Орбитальный лифт, – недоуменно покосился на него Петерен. – У вас нет орбитальных лифтов?

– Нет, нет... – Селес снова попятился. – Меня ждет мой корабль... Я же вам говорил, мы симбиотики, я не...

– Уважаемый инопланетный гость, вы можете спуститься к нам только на лифте. Простите, – толстяк развел руками, – но никакие корабли, кроме наших, не допускаются в атмосферу.

– Но я... Но вы же сказали, что я – первый контакт, как же тогда... какие тогда корабли?..

– Мы подготовились к любым обстоятельствам.

Солдаты обступили Селеса и стали ненавязчиво оттеснять его к капсуле.

– Но вокруг летает куча транспортников! – В неочеловеке неожиданно проснулась тоска по здравому смыслу. – Ваш материнский мир на другом конце Вселенной, вы сами – колонисты! Я получил приглашение сюда в ментальном поле! У вас есть корабли! Орбитальный лифт! Вы дали мне анкету! Как я могу быть первым контактом?!

– Мы очень хорошо подготовились, – довольно ответил Петерен.

– Оставайся у станции. Не спускайся на планету. Это... это какая-то ненормальная планета, они считают меня первым контактом. Я постараюсь побыстрее. Только не спускайся и не отключайся.

– Ты меня что, бросаешь?

– Нет, тут запрещено...

– Без меня, значит, развлекаться решил? Знаешь... Айа, пожалуй, была права!

– Айа?!

Селес бросился к прозрачной стенке лифта, который уже трясся и посвистывал, готовясь ехать вниз.

– Петерен! Петерен!

Толстяк подошел ближе. Судя по лицу, расплывшемуся в счастливой улыбке, его переполняли осознание важности момента и спокойная гордость за не зря прожитую жизнь.

– Петерен, сколько в ваших сутках условных?

– Что?

– Шиарийских! Сколько в ваших сутках шиарийских суток?!

Петерен неопределенно пошлепал губами.

– Что значит «шиарийских»? – спросил он.

Капсула засвистела, как закипающий чайник, и ухнула вниз.

Глава четвертая,

посвященная дальнейшему удивлению, знакомству с аборигенами и ценной находке

В орбитальном лифте было накурено. Пять человек в красивой, какой-то даже нефункционально изысканной военной форме, с начищенным до блеска оружием, столпились в одной части капсулы и, негромко переговариваясь и хихикая, тыкали пальцами в другую. Там, страдальчески сдвинув брови и прислонившись к стене, стоял Селес. Он ехал зажмурившись, тяжело дыша и изредка покашливая от дыма. Самому низкорослому солдату внепланетянин еле доставал макушкой до подбородка – правда, в отличие от них, обувь у оммо была самая обычная, а не на тяжелой, похожей на танковую гусеницу платформе.

– Высоты боится, – в очередной раз констатировал шепотом один из военных. – Это ж надо, а? – он восторженно подмигнул соседу. – Интересно, это они все так?

Селес сделал вид, что ничего не слышал. Вообще-то он боялся не высоты, а атмосферы, точнее – полетов в ней не на своем корабле. В опасной близости от поверхности планеты Селес доверял только неокораблям – все остальные были, по его мнению, ненадежны и в любой момент могли упасть. В космосе эта сложная и нелогичная фобия не давала о себе знать ввиду отсутствия верха и низа, и падать было некуда.

Сейчас Селес чувствовал себя совсем плохо, потому что капсула именно падала, причем с огромной скоростью. Он приоткрыл один глаз, успел заметить проносящиеся мимо облака, судорожно вдохнул и снова зажмурился.

– Почему мне не дали приземлиться на моем корабле? – помолчав, все-таки решился спросить оммо.

– Небо закрыто. Враги.

– Какие? – удивился он, но глаз на этот раз не открыл.

– Ты, например, – пояснили ему, и капсула затряслась от полноразмерного мужского хохота.

Селес вспомнил обитателей додекаэдра, и тоска по здравому смыслу обуяла его с новой силой.

– Но ведь тот человек... Петерен... Он сказал, что я – первый контакт.

– Это ты у него первый, – ответили солдаты, переглянулись и снова оглушительно захохотали. – На станции. А у остальных ты знаешь какой? – Двусмысленность формулировки приводила их в бурный восторг, характерный для подростков, только приобщающихся к радостям спаривания. Мальчишеские круглые лица и повизгивание, отчетливо различимое в басовитом хохоте, свидетельствовали, что из подросткового возраста солдаты вышли совсем недавно, а некоторые и вовсе там застряли.

– Да расслабься ты, в той плоскости все чокнутые, – дружелюбно добавил кто-то.

Селес снова надолго задумался, но мысли предсказуемо зашли в тупик, и он наконец удостоил сопровождающих взглядом. Левый глаз предательски дергался.

– Послушайте, я вообще туда попал? – спросил он, помедлил секунду, напряженно что-то вспоминая, и затараторил: – Доводим до вашего сведения, что посещение планеты номер восемь три пять скрытая цифра скрытая цифра скрытая цифра восемь шесть семь возможно в течение...

Военные опять захохотали, а Селесу стало совсем грустно. Он давно не общался с представителями человечества и забыл, что они любят пересказы своими словами, а не цитаты. Кроме того, он был слишком взволнован и серьезен – трудно найти более подходящий объект для группового осмеяния.

– Акцент у тебя забавный, – объяснил один из военных. – Доводим до вашего сведения... Ты б себя слышал!

Селес ощутил сильное и иррациональное желание дать ему по шее. Он даже сжал кулак, но вежливость и инстинкт самосохранения в последний момент победили. Он смерил обидчика взглядом, остановился на его громоздком шлеме, похожем на крышу ка'антхажийской пагоды, и процедил:

– А ты б себя видел!

– Ух ты! – восхитился весь лифт. – Разморозился! – Гостю тут же протянули блестящий портсигар. – Тебя как звать-то?

– Селес. Спасибо, но я не знаю, что с этим делать.

– Курить!

– Я не курю.

Воцарилось неловкое молчание, которым в теплых компаниях обычно встречают трезвенников и язвенников.

– Весь дым через свищевой канал уходит, – Селес указал на шею и старательно оскалился в самой дружелюбной улыбке, на которую только был способен. Солдаты тоже заулыбались, с интересом разглядывая его зубы: мелкие, острые и какого-то кремового оттенка, совсем не соответствующего человеческим стандартам красоты. В свое время оттенок «цвет зубов неочеловека» был признан уникальным и помещен в палитру между «старым кружевом» и «космическими сливками».

Один из солдат решительно шагнул в противоположную часть капсулы и протянул гостю руку:

– Теодор.

Обрадованный тем, что наконец нашел общий язык с принимающей стороной, Селес продолжал улыбаться на протяжении всех мучительных пяти секунд, пока его пальцы хрустели в кулаке нового знакомого. Теодор немного потоптался на месте, хмыкнул, отвел глаза в сторону и робко поинтересовался:

– А ты правда... ну... продырявленный?

Селес взглянул на него так выразительно, что он поспешно начал оправдываться:

– Это на станции сказали... Я им так и ответил: спятили вы, говорю, совсем... напридумывали, ты уж извини...

– Не напридумывали. Просто меня еще никогда не называли продырявленным...

– А можно посмотреть?

«Да когда ж мы приземлимся-то наконец...» – мысленно взмолился Селес.

Новый знакомый, вблизи оказавшийся похожим на добродушного молодого вязлика, смотрел на него с надеждой и детским любопытством. Селес вздохнул и осторожно расстегнул липучку на высоком облегающем воротнике. Почуввав свищевым отверстием прохладный воздух и табачный дым, он поморщился и предостерег Теодора, глаза которого загорелись от восторга:

– Трогать нельзя.

– А где у тебя еще есть? – почти шепотом спросил человек.

– А у тебя? – серьезно поинтересовался оммо.

Капсула все падала и падала, кружевные завитки рек и аккуратные газончики лесов стремительно приближались, а Селес в красках представлял себе, как лифт в конце концов врежется во все это. Помимо акрофобии, ему не давали покоя мысли обо всех, кого он поневоле бросил, сломя голову ринувшись на поиски неизвестно чего – корабль остался на орбите, Айа у морфов, – а также о том, насколько же здесь все не так, как он себе представлял. И вообще не так, как должно быть, – в этом Селес почему-то не сомневался.

– Это точно планета номер восемь три пять скрытая цифра скрытая цифра скрытая цифра восемь шесть семь? – на всякий случай спросил он у Теодора.

– Это Кальдерония.

В энциклопедии такого названия не оказалось, и Селес снова затосковал.

Лифт внезапно ускорился, и все вокруг превратилось в тошнотворное месиво. Он хотел ухватиться за стену, но вместо нее ухватился за Теодора, а спустя мгновение их раскидало в разные стороны. Лифт притормозил, завибрировал и резко, с визгом и шипением, остановился. Немного придя в себя, Селес обнаружил, что они приземлились в огромном зале, ярко освещенном и заполненном людьми. Также он обнаружил у себя шишку на затылке и холодный ствол под ребрами.

– Ты что... – начал он, растерянно глядя в мгновенно посуровевшее лицо склонившегося над ним Теодора, но тут его поставили на ноги и, подталкивая в спину, вывели из капсулы на красную ковровую дорожку. Вдоль нее стояли навтыяжку люди различного пола и возраста – и военные, и, надо полагать, гражданские. Правда, гражданскими Селес посчитал их только потому, что они были без оружия, зато в комбинезонах защитного цвета и с бирками на груди. Он сделал несколько шагов по дорожке и на всякий случай поднял руки вверх.

– От лица Глобального демократического союза я рад приветствовать первого представителя инопланетной цивилизации, ступившего на нашу землю, – раздался из-под высокого потолка громовой голос. – Вижу, наши ребята были немного грубы с вами, но простите их. Ведь они охраняют свободу, в том числе и вашу!

Толпа взорвалась аплодисментами. Представителю инопланетной цивилизации остро захотелось бежать куда глаза глядят.

– Надеюсь, вам у нас понравится, – продолжал голос. – Мы хотим знать: что чувствует сейчас наш гость из космоса?

Селес затравленно смотрел на улыбающиеся лица гостеприимных хозяев. Молодая рыжеволосая женщина подняла кверху младенца – наверное, чтобы лучше разглядел инопланетянина. Младенец тоже был в комбинезоне защитного цвета.

– Я ничего не... То есть... Я совершенно счастлив! – Селес героически улыбнулся и даже помахал младенцу рукой.

Что-то громко хлопнуло, свет погас, и вокруг стало темно и тихо. Вспомнив загадочные слова военного о врагах, Селес потянулся к поясу, на котором висел крюк, но его пальцы наткнулись на что-то теплое и подвижное – чью-то руку.

– Всё в порядке, это голограмму выключили, – шепнули ему. – Подожди, сейчас глаза привыкнут... Только не нервничай, ладно? Это стандартная программа, не учитывает ваши... особенности.

– Я очень нервничаю, – шепотом признался Селес. – Но... не настолько.

– У тебя зрачков почти нет...

– Доапон... У вас есть доапон?

– Понятия не имею, что это такое.

Селес зажмурился, сосчитал до десяти – в лифте он успел сосчитать до тысяча трех, – и наконец разглядел прямо перед собой женское лицо, обрамленное жесткими черными кудряшками. На голову незнакомки была нахлобучена большая каска с несколькими вмятинами.

Самка человека разглядывала Селеса с почти благоговейным любопытством, отводя взгляд лишь изредка – видимо, ради приличия. Он вспомнил, какое умиротворяющее впечатление произвела его улыбка на солдат в лифте, и на всякий случай улыбнулся и ей. Но самка человека не ответила тем же.

– Что теперь будет? – немедленно продолжил нервничать Селес.

– Сейчас подъедут.

– Кто?

– Твое сопровождение. Они поехали за начальником экспедиции, пока ты смотрел программу приветствия.

– Программу? Так все эти люди... Тут никого не было?

– Почему никого, я была. А остальные – вот еще, станут они бросать все ради какого-то пришельца.

– И солдат тоже не было?

– Не могу знать! – засмеялась она.

Селес тяжело вздохнул и уселся прямо на холодный пол. Было темно, и только площадку, на которую приземлился лифт, подсвечивали несколько рядов маленьких желтых лампочек. Любопытная самка, зашуршав комбинезоном, тоже присела на корточки. Селес заметил на ее руках тонкие черные перчатки.

– Алиса, – представилась незнакомка.

– Селес, – машинально протянул он ладонь.

– Селес – Алиса: созвучно, правда? Почти палиндром, да? Еще бы немножечко... – Она бросила на него быстрый взгляд. – Ты точно не нервничаешь?

– Я нервничаю, но это не потому, то есть потому... то есть не из-за вас. Я раньше редко спускался на планеты, и... и иногда не сразу понимаю местные традиции... – Он запоздало испугался, что Алиса обидится. – Хотя у нас, например, тоже есть всякие традиции...

Послышался металлический лязг, и вдали показались два быстро приближающихся ярких огонька.

– Подыгрывай им, ладно? – шепнула Алиса. – Я потом тебе расскажу... А пока подыгрывай! – Она отбежала в сторону и встала по стойке смирно.

Огромный вездеход затормозил в нескольких метрах от сидевшего на полу Селеса, обдав его волной пыли и запахом горячего металла. Неочеловек покосился на безучастно застывшую на месте Алису и на всякий случай снова поднял руки вверх. Из вездехода выскочила массивная темная фигура.

– Вы ранены? Вам нужна помощь? Что произошло?

– Я устал, – честно ответил Селес, но тут Алиса, не меняя выражения лица, начала энергично ему подмигивать. – То есть виноват... никак нет...

Алиса одними губами произнесла странное слово, и он, поднимаясь, повторил его:

– Сэр!

Грузный человек в военной форме и в шлеме с фонариком посреди лба ударил себя ребром ладони прямо в фонарик.

– Начальник экспедиции, ответственный за неизученные территории полковник... – В недрах вездехода что-то запоздало лязгнуло, и имя полковника

осталось неизвестным. – Нам приказано сопровождать вас к руинам, господин... – Лязг повторился, и Селес посмотрел на невоспитанную машину с большим подозрением.

Из вездехода выбежали солдаты, схватили Алису и бесцеремонно втокнули ее внутрь. Селес попятился, ожидая, что с ним сейчас поступят точно так же, но полковник лично распахнул перед ним дверь:

– Располагайтесь.

Селес осторожно втиснулся на жесткое сиденье между отчаянно пытавшимся подвинуться солдатом, в котором он, присмотревшись, узнал Теодора, и дверью. Теодор, выходит, был настоящим. В тесном салоне вездехода, отдаленно напоминавшем кабину неокорабля, Селес почувствовал себя гораздо спокойнее и даже попытался положить ногу на ногу, но задел какую-то заткнутую тряпкой канистру. Торопливо поставив ее на место, он кивнул недавнему знакомому:

– Теодор...

Человек с искренним удивлением покосился на него и снова уставился в одну точку.

«Сдаюсь», – сокрушенно подумал инопланетный гость.

Машина тронулась с места. Среди неолюдей бытовало суеверное отношение к обычным, неразумным и даже, если вдуматься, мертвым транспортным средствам – они побаивались их и по возможности избегали, – но Селес считал это предрассудком. В глубине души он верил, что у любого транспорта есть зачатки разума, просто очень слабые и тщательно скрываемые.

Полковник развернулся к Селесу, всем видом предлагая приступить к светской беседе. Гость вежливо и напряженно молчал во избежание дальнейших недоразумений, так что военный начал первым:

– Как давно интересуетесь археологией?

– Понимаете, я... не то чтобы интересуюсь... – у Селеса была заготовлена целая речь по этому поводу, но после всего пережитого он напрочь ее забыл. – Это... скорее личное... Я... Мы ищем свои корни. А можно узнать, кто отправил мне приглашение?

– Я, – седой полковник гордо ткнул себя большим пальцем в грудь.

– Как?! У вас есть доступ в поле?

– В какое поле?

– В ментальное!

– Не могу знать. Мы люди простые, честные, ментальность у нас тоже простая, а чтоб поле – это я впервые слышу.

– А доступ откуда?

– Какой доступ?

Селес шумно выдохнул и решил подступиться с другой стороны:

– Как вы получили мой запрос?

– А-а, – расцвел полковник, явно обрадовавшись твердой почве под ногами. – Наши ребята наконец достроили радиовышку. Мощнейшую! Ее, правда, на следующий же день повалило чертовым ураганом, вот раньше не было никаких ураганов и жили спокойно, а сейчас чуть ли не каждый месяц, вот и не верь после этого в климатические изменения... Ну, вышка, следовательно, была утрачена, но мы успели принять ваш сигнал и ответить на него.

– По радио?! Но это же... чисто физически...

– Фантастика, да? – полковник хлопнул его по плечу и добродушно хохотнул. – До чего прогресс дошел!

– Скорее чушь какая-то, – еле слышно поправил его Селес.

Бред стремительно набирал обороты.

– Как думаете, могли ваши предки бывать на этой планете? – продолжал военный.

– Возможно. На предыдущем... этапе развития.

– Ты же говорил, что раньше вы обитали на другом конце Вселенной, – подала голос Алиса.

– Откуда...

– Ты рассказал орбитальным контактерам, они рассказали солдатам, солдаты поделились с другими. Так... если вы жили там, то с чего ты взял, что следы вашей цивилизации могут обнаружиться здесь?

– Я... я не знаю точно, где мы жили раньше... И вообще... – Селес понизил голос. – То, что мы раньше жили на другом конце Вселенной, – это... это такая официальная версия. Легенда. Вроде вашей, что вас вылепили боги из глины... Никто толком ничего не знает и не помнит. И я в нее не очень-то верю... Я просто энтузиаст, ищу, где придется. Мы похожи на людей, вдруг у нас изначально был общий ареал обитания... или общие предки...

– Да ты не энтузиаст, ты диссидент, – насмешливо протянула Алиса. – Не верит он... У нас в старые времена за такое на кострах жгли.

– А... а сейчас?

– А сейчас кое-где ноги отрубают.

Селес посмотрел на нее почти с ужасом, а Алиса ответила долгим серьезным взглядом и неожиданно снова подмигнула.

– Не обращайтесь на нее внимания, – махнул рукой полковник. – Значит, ваше правительство уполномочило вас...

– Нет. У нас нет правительства.

Судя по скрипу сиденья, военный подпрыгнул.

– И нашей историей, кажется, интересуюсь только я, так что...

– Извините, не знал, – сказал полковник тоном, которым обычно выражают соболезнования. – Признаться, мы, наземные, мало знаем обо всяких там... – Он неопределенно указал вверх.

Воцарилось молчание, но Селесу казалось, что он слышит, как полковник громко думает над следующим вопросом.

– И что, удалось вам уже найти какие-то... следы пребывания вашей цивилизации?

Селес молча покачал головой. Признаваться, что он нашел только грандиозную помойку на планете морфов, ему не хотелось. Вдобавок его укачало, а разговор, в котором обе стороны постоянно балансировали на грани полнейшего непонимания, порядком утомил.

– А вы вроде совсем на человека похожи, – одобрительно заметил полковник.

Селес вздохнул. Сейчас он действительно был похож на человека – растерянного, уставшего, насквозь пропитанного пылью и запахом горючего, который отчетливо ощущался в кабине.

В ментальном поле царила мертвая тишина. Видимо, корабль всерьез обиделся на то, что его оставили у станции. Селесу очень хотелось рассказать о происходящем на странной планете хоть кому-то, кто бы его наконец понял, поэтому он снова и снова стучался к кораблю, но никакого ответа не получил. Айа была слишком далеко, а других симбиотических пар поблизости не наблюдалось. Единственное, что оставалось Селесу, – созерцать слой пыли на оконном стекле.

– Приехали, – неожиданно сказал полковник.

Неочеловек так обрадовался, что попытался выйти из вездехода до того, как он остановился. Теодор железной хваткой придержал его за локоть. Двери распахнулись, и ветер швырнул в кабину песчаную взвесь.

Селес, пошатываясь, выбрался наружу и тут же провалился в песок по колено. Вездеход стоял посреди бескрайней, тянувшейся во все стороны до горизонта грязно-бежевой пустыни, а чуть поодаль, залитый закатными лучами местного светила, возвышался обещанный след неизвестной цивилизации. Это был большой серый барак – другого слова неочеловек, знавший сто пятьдесят восемь языков, подобрать не смог. Наполовину обрушившийся длинный барак без окон, из отлично обработанного материала, явно простоявший здесь несчетное количество лет – и шиарийских, и любых других.

Селес глубоко вдохнул горячий пыльный воздух и неожиданно для самого себя рассмеялся.

Глава пятая,

в которой Селес сталкивается с паранормальным явлением, а Теодор теряет нечто существенное

– Ну, как вам? – В голосе полковника чувствовалась гордость за барак. – Древняя конструкция, абсолютно бесполезная и непонятная! Полностью соответствует вашему запросу.

Селес потратил на запись послания не один день и, конечно, вкладывал в него несколько другой смысл, тем не менее согласно кивнул, не сводя глаз с серого здания. Все было в точности так, как он заказывал.

– Есть какие-то предположения, что это? – Селес в очередной раз попытался связаться с кораблем, но опять был встречен гордым молчанием.

– Ни-ка-ких, – с удовольствием отчеканил полковник. – Мы уже ставки делаем. Ни единой надписи, ни рисунков, ничего. Но, по-моему... – Он прищурился и с видом знатока обвел пальцем в воздухе контуры здания. – По-моему, это тюрьма.

Неочеловек нахмурился – тюрьма была немногим лучше помойки.

– Почему вы так решили?

– Вид такой... казенный.

– Давно вы его нашли?

– Где-то год назад, когда пески отступили. Все методы датировки разные результаты дают. И, главное, мы не можем расшифровать то, что она считывает... а, не спрашивайте, сами увидите! – полковник говорил так восторженно, будто сам построил этот барак и считал его своим главным архитектурным достижением. – Похоже на то, что вы ищете? Правда ведь, похоже?

– Если бы я сам знал, что я ищу, – пробормотал Селес. – Внутрь зайти можно или... ну... враги?

Восторг моментально схлынул, полковник переменялся в лице:

– Только без меня. Я уже два раза ее фокусы видел, хватит. Дам сопровождающих – и вперед.

Он обернулся к солдатам и неразборчиво, но грозно на них прикрикнул.

– Чьи фокусы? – Селес покосился на Алису, которая стояла рядом и беззаботно потягивалась.

– Разумеется, мои! – Она сдвинула каску на затылок и опять подмигнула. – Полковник очень не любит фокусы. Он скептик, ему по званию положено.

Фокусы различной степени тяжести сопровождали Селеса с тех самых пор, как корабль пришвартовался к орбитальному додекаэдру. К тому же все его мысли

сейчас были сосредоточены на загадочном бараке. Поэтому он только пожал плечами, решив оставить дальнейшие расспросы на потом.

Теодор и еще один молоденький солдатик взвалили на спины объемистые мешки и молча двинулись к барaku. Полковник скрестил руки на груди и, встретив вопросительный взгляд Селеса, ободряюще кивнул. Вездеход остановился всего в паре десятков шагов от барака, но эти шаги обещали быть очень непростыми.

– А вы не могли бы подъехать... – заикнулся оммо.

– Не могли бы. Тебе понравится, – пообещала Алиса и зашагала вслед за военными, увязая в песке.

Селесу и раньше приходилось бывать в пустынях, более того – пару раз он посещал планеты, которые целиком представляли собой одну большую пустыню. Но эта словно специально была создана для того, чтобы доставить путешественникам максимум неудобств. Мелкий песок забивался везде – Селес поклялся бы, что он попал даже в наглухо закрытые комбинезоном свищевые отверстия, – красивых дюн не образовывал и вообще напоминал обыкновенную пыль, но при этом почему-то отражал солнце так хорошо, что на него невозможно было смотреть. Вдобавок в него замечательно проваливались ноги, и неочеловек, и без того не очень привычный к ходьбе, быстро отстал от сопровождения. Первой это заметила Алиса, обернулась и оглушительно свистнула. Солдаты тоже дружно посмотрели на инопланетного гостя, буркнули что-то и пошли дальше.

– Я сейчас! – крикнул Селес.

– Шагай пошире, – посоветовала Алиса. – Да не торопись так...

Тут оммо все-таки не удержался на ногах и нырнул в песок. Когда он отплевался и протер глаза, Алиса уже стояла рядом, посмеиваясь и изучая его все с тем же жадным любопытством. От ее неприлично пристального взгляда становилось слегка не по себе.

– Ты уже встречала неолюдей? – спросил Селес.

Алиса протянула ему обтянутую перчаткой руку:

– Ты бы встал для начала.

– Так ты...

– Нет, не встречала. Но я очень вами... интересуюсь.

– Почему именно нами?

Алиса отвернулась и вздохнула – тяжело, с непонятно откуда вдруг взявшейся древней тоской, которую Селес встречал только у людей, они еще называли это чувство «мировой скорбью», а ехидные каильцы – «человечьей ностальгией по недостижимому»... Это совершенно не вязалось с творящимся вокруг разудалым безумием, и на оммо снова нахлынуло ощущение неправильности, противоестественности, какой-то несовместимости всего происходящего, и от этого закружилась голова. Алиса снова взглянула на него – ее потемневшие глаза подозрительно блестели, – и расплылась в улыбке, от которой Селесу стало гораздо спокойнее.

– Потому что вы интересные!

Солдат они догнали у самого барака. Алиса уже развеселилась и трещала без умолку, беззлобно ругая пустыню, сопровождающих, забившийся в сапоги песок и неизвестно кем построенный серый параллелепипед – по ее мнению, несимпатичный и в целом бесполезный. Селес соглашался со всем, кроме последнего пункта.

– А полковник – лентяй и неженка. Видел, что он с собой привез?

Неочеловек изобразил живейший интерес.

– Шезлонг! – торжественно провозгласила Алиса. – И зонт. И пару фляг тоже наверняка захватил...

– Кстати, как его все-таки зовут? – полюбопытствовал Селес, пытаясь скрыть тот факт, что значение слова «шезлонг» ему не известно.

– У-у, главная шишка пустынной зоны и окрестностей, полковник...

Теодор громко, с подвыванием чихнул.

«Так не бывает...» – вяло возмутился Селес, но барак был уже совсем близко, а тоска по здравому смыслу практически полностью испарилась из головы под воздействием жгучих солнечных лучей. Неочеловек из последних сил прибавил шагу и первым вошел в тень объекта своих поисков.

Главной особенностью серого барака, судя по всему, было полное отсутствие особенностей. Его могла построить любая цивилизация, включая левитирующих бицефалов с Орето, в любое время и для любых целей. Увязая в песке, Селес подошел к ближайшему пролому и заглянул внутрь.

– Если бы там было на что смотреть, нам бы тут всякие ученые проходу не давали, – прокомментировала у него за спиной Алиса. Действительно, барак пустовал. Дыры в потолке и стенах, песок на полу – вот, собственно, и всё.

Тем временем Теодор достал из мешка складной стул и начал невозмутимо ввинчивать его в песок. Ввинтил, уселся поудобнее, с наслаждением вытянул ноги, нахлобучил на голову огромные наушники и неопределенно махнул рукой инопланетному гостю, уставившемуся на него с недоумением.

– Что стоишь? – Алиса толкнула Селеса в бок. – Пошли.

– А мы что, с ними не пойдём? – спросил у Теодора второй солдат, поглядывая на пролом, в котором скрылись объекты наблюдения.

– Оно тебе надо?

– Нет...

– Ну и всё. Разберутся. – И из наушников Теодора слышались приглушенные раскаты музыки.

Второй солдат еще немного постоял в задумчивости, потом хмыкнул и уселся на песок рядом.

Пустая серая коробка изнутри казалась огромной. Селес провел ладонью по шершавой стене, немного постучал по ней в смутной надежде, что где-нибудь обнаружится пустота, очистил от песка небольшой участок пола и убедился, что он не отличается от стен ничем, кроме места расположения. В лучах света, проникавших через пробоины в потолке, таинственно мерцала пыль. Люди говорили правду – здесь не было ни надписей, ни рисунков, ни остатков внутренней обстановки. Вообще ничего.

– Как я понимаю, это место не кажется тебе знакомым, – голос Алисы прозвучал неожиданно гулко.

– Я и не надеялся, – соврал Селес.

– Ладно... – Она понадежнее нахлобучила на голову каску. – Займемся археологическими изысканиями.

Селес еще раз огляделся, потом поднял глаза на спутницу, которая, чертыхаясь, зубами стягивала перчатки.

– Я уже все посмотрел, – на всякий случай сказал он.

Алиса склонила голову набок:

– Но ведь не послушал?

– Что послушал?

– То, что здесь когда-то происходило... – Она наконец освободила руки. – Что сильнее всего запомнилось. Предметы тоже помнят, ты не знал? А я умею их читать.

– Читать?

– Читать.

– Предметы?

– Предметы.

– Значит, ты экстрасенс?

– Ну. Главное – не пугайся. Особенно если это окажется полной чушью.

Алиса приложила руку к стене и откашлялась, как оратор на трибуне. Ее лицо побелело и застыло, даже нос заострился. Живыми оставались только беспокойно подрагивавшие губы. Селес рассердился – предсказателей будущего и прошлого, медиумов и гадалок всех мастей и разновидностей он уже видел предостаточно, и все они одинаково входили в то, что называли трансом. Еще одной их общей особенностью была любовь к туманным глупостям, и все они, как правило, объявляли предками неорасы разнокалиберных высших существ, к чьим культам принадлежали. Их пламенная вера в наивность клиента была настолько тверда и непоколебима, что Селес успел их возненавидеть. Кроме того, теперь ему было стыдно за то, что он вообще имел глупость к ним обращаться. От доверчивости оммо, по язвительному замечанию корабля, излечивался довольно медленно.

Он шагнул в сторону пролома, собираясь сказать Теодору и его приятелю, что увидел достаточно, а вот голову себе морочить не позволит, но тут Алиса у него за спиной открыла глаза и заговорила.

Спустя мгновение Селес почувствовал, как на всем теле выступает липкий ледяной пот. Он никогда бы не подумал, что в раскаленной пустыне можно внезапно замерзнуть до такой степени, чтобы зуб на зуб не попадал. Алиса уверенно и монотонно повторила фразу на непонятном языке, совершенно не похожем ни на один из ста пятидесяти восьми, известных Селесу. Но самым странным было даже не это, а то, что каждый звук этого языка вселял страх. Дикий, сковывающий страх, который даже немного затормозил реакцию, – окаменев от ужаса, нечеловек несколько невыносимо долгих мгновений слушал голос Алисы прежде, чем его заглушило ускоряющееся сердцебиение. Уцепившись за последнюю сознательную мысль, Селес отчаянно крикнул:

– Доапон!..

Песня закончилась, и в наушниках Теодора раздалось противное громкое шипение. Похоже, диджей-любитель ушел из эфира. Пытаясь найти другую волну, краем глаза Теодор заметил, что его товарищ обеспокоенно повернул голову в сторону барака. Потом солдат вскочил и что-то прокричал, но наконец нашлась подходящая станция, вместо воплей загудели басы, и сочетание музыки с видеорядом так понравилось Теодору, что он даже не сразу догадался снять наушники.

– ...Мать! – услышал он завершающую часть вопля и раздраженно замахал руками на товарища.

Было слышно, как в бараке Алиса несет свою обычную абракадабру, переходя то на визг, то на шепот, а эхо передразнивает ее на все лады. Теодор, слышавший это уже много раз, выразительно повертел пальцем у виска и приготовился уже сесть обратно, как вдруг раздались скрежет металла о камень и низкий протяжный крик.

– Это ж наш гость орет... – обескураженно констатировал Теодор и направился к ближайшему пролому. – А ну пошли!

Второй солдат судорожно сглотнул и отрицательно покачал головой. Теодор показал ему кулак, перехватил автомат поудобнее и шагнул внутрь. Из барака слышались шумная возня, лязганье, изумленный нецензурный возглас, выстрелы, снова лязганье, и Теодор пробкой вылетел обратно, волоча за собой упирающуюся Алису. Сообразив наконец, что за такое можно и под трибунал попасть, второй солдат кинулся на помощь. Алиса ухватилась за края пролома, продолжая что-то выкрикивать. Солдаты, громко пыхтя, тянули ее за ноги, но девушка демонстрировала завидную физическую силу и лягалась, так что им пришлось повозиться, прежде чем они все-таки отцепили ее.

– Не заходи туда! Не заходи! – отчаянно пытаюсь отползти подальше от стены, крикнул приятелю Теодор.

– Я и не собирался! – честно ответил тот.

Лежавшая на песке Алиса подняла голову, сплюнула, мутными глазами посмотрела вокруг и внезапно расхохоталась. Теодор проследил направление ее взгляда и понял, что сам он продолжает ползти, а вот его тяжелые штаны с многочисленными карманами остаются на месте. Он в ужасе хлопнул себя по бедрам и с облегчением убедился, что ноги ползут вместе с ним. Ремень был разрезан, ткань на задку распорота, и только теперь ставшая ощутимой рана на левой ягодице зудела от набившегося в нее песка. Теодор поморщился и с нескрываемой ненавистью покосился на задыхающуюся от смеха Алису, которую он, между прочим, только что спас.

В проломе что-то мелькнуло, и рядом с ними приземлился Селес. Он пару раз конвульсивно дернулся, загребая руками песок, затих и невидящим взглядом уставился на застывшего на месте Теодора.

Тут солдат заметил подробность, которая добила его окончательно: в карих глазах инопланетянина не было зрачков. Причем Теодор мог бы поклясться, что, когда они обменивались любезностями в лифте, зрачки находились на месте.

– Да... – неожиданно охрипшим голосом рявкнул он. – Да пошли вы все!

Теодор вскочил и, придерживая штаны руками, довольно резво поковылял прочь, навстречу закату.

– Красота... – мечтательно глядя ему вслед, сказала Алиса.

Глава шестая,

посвященная инновационной технике ведения допроса, тушенке, божественной цветной капусте и непоправимому

– А теперь постарайтесь объяснить мне, каким образом вы, имея при себе только это, – полковник брезгливо потыкал пальцем лежавший на столе крюк, – умудрились одолеть двух хорошо вооруженных людей.

– Одного, – мучительно жмурясь, поправил Селес.

– Двух, – строго повторил военный.

– Хорошо... А можно свет выключить?

– Можно, – неожиданно согласился полковник и убрал фонарик, которым со старанием опытного окулиста светил неочеловеку в глаза.

Селес немного поморгал, с трудом различая в полутьме палатки стол, за которым в уютном глубоком кресле восседал полковник, какие-то ящики в углу, старательно смотревших в пластиковый потолок Теодора с приятелем и Алису, притулившуюся на складном стульчике рядом с ящиками. В руке девушка держала блокнотик, чтобы, по приказу полковника, вести протокол допроса. Но на самом деле она рисовала рожицы, цветочки и кривые звездолеты.

– Ну? – вежливо напомнил о своем существовании полковник.

Солдаты синхронно покашливали – они явно томились, да и командир их выглядел усталым, словно допрашивал и, возможно, по долгу службы пытал инопланетного гостя всю ночь напролет. Но это было такой же фикцией, как и блокнотик Алисы, – в палатку они зашли буквально только что, и, если бы полковник не пытался произвести на Селеса впечатление с помощью многозначительного молчания, стали в голосе и фонарика, неочеловек давно ответил бы на все вопросы.

– Я ускорился, – Селес потер глаза кулаками. – Она говорила на каком-то странном языке... видимо, древнем, и он... странно подействовал на меня... – Он все время косился на Алису, тщетно ожидая, что она чем-нибудь дополнит его рассказ. – И я ускорился, потому что все это было очень... странно.

Полковник тяжело вздохнул:

– Что значит – ускорился?

Похоже, в одном Петерен оказался прав – на этой планете действительно никогда не бывали неолюди.

– Это такой защитный механизм, – начал объяснять Селес. – Физической силой мы, в общем-то, не обладаем, большинство других гуманоидных видов сильнее и крупнее нас. Вдобавок малоподвижный образ жизни, мускулатура развита слабо... – В доказательство он поднял руку, мускулатура на которой была развита вполне сносно. – Но в стрессовых ситуациях, при сильных негативных эмоциях, например, происходит... что-то вроде припадка...

Полковник посмотрел на часы и вздохнул уже совсем трагически.

– Он испугался и начал двигаться очень-очень быстро, – неожиданно подала голос Алиса.

Военные радостно и понимающе закивали. Алиса подняла голову от блокнотика и подмигнула растерянному умолкшему Селесу. Тот еле заметно пожал плечами и выдал оставшуюся информацию в максимально спрессованном и доступном виде:

– И еще при ускорении мы становимся очень агрессивными и ничего не соображаем.

– Ничего? – Полковник подался вперед, подпер подбородок рукой и грозно прищурился.

– К сожалению, мы двигаемся так быстро, что не успеваем осознавать свои действия... – опять пустился в разъяснения инопланетный гость, но тут же сам себя перебил: – Мозг отключается. Совсем.

Алиса одобрительно кивнула.

– То есть злого умысла не было? – с плохо скрываемым облегчением уточнил полковник.

– Никакого, – честно кивнул Селес.

– Ну и славно! – Полковник опять посмотрел на часы и удовлетворенно потер руки: – Как раз к ужину успели. Все свободны!

– И я?..

– Что? – на этот раз растерялся полковник. – Ах да. Разумеется, вы можете поужинать с нами.

Дождавшись, когда последняя камуфлированная спина скроется за входной занавеской, Алиса вскочила со своего стульчика, подбежала к Селесу и свирепым шепотом осведомилась:

– Ты давно в кутузке не был?

– Нет... то есть... на самом деле... – Он сомневался, верны ли его догадки насчет смысла слова «кутузка».

– Что ты все мя-ямлишь! – вызверилась Алиса. – Извини... Я-то была, совсем недавно. Ничего интересного, а кормят еще хуже.

Селес внимательно посмотрел на нее. Только сейчас он осознал, до какой степени эта миниатюрная и суматошная девушка похожа на Айю – на смягченный, дружелюбный, приближенный к идеалу вариант Айи. И воспоминание об оставшейся у морфов менее удачной, но все же исходной версии временно вытеснило из его мыслей странную планету со странными аборигенами, которые вели себя очень, очень странно.

– Сколько в ваших сутках шиарийских? Условных, – Селес безуспешно попытался жестами изобразить условные сутки.

– Да подожди, я считаю, – буднично откликнулась Алиса.

– Ты знаешь, что такое шиарийские сутки?

– Я похожа на идиотку?

Неочеловек вздохнул почти так же трагически, как до этого полковник, и встал из-за стола.

– Чуть не забыл, – Алиса протянула ему крюк.

Селес подбросил на ладони свое оружие, попытался перехватить его в воздухе и чуть не выронил. За всю жизнь он встречал лишь нескольких своих соплеменников, которые в обычном состоянии обращались с крюком почти так же хорошо, как и в ускоренном. При ускорении в голове как будто щелкал какой-то тумблер, отключавший разом все мысли и включавший взамен умение превращать крюк в свистящий диск, способный разнести все вокруг. В остальное время крюк, неудобный и тяжелый, мешал при ходьбе, постоянно терялся, и вдобавок о него можно было больно порезаться. Но корабли настаивали, чтобы их хрупкие гуманоидные составляющие всегда брали оружие с собой.

– Ты совсем не умеешь его крутить... – разочарованно протянула Алиса.

– Не умею. Но можешь подождать следующего ускорения.

– Еще чего! Пошли ужинать. Заодно расскажешь, чем я тебя так напугала.

От большой липкой банки с подогретой тушенкой шел густой пахучий пар. Селес завороченно смотрел на зажатую в пальцах Алисы корочку хлеба, которая ловко маневрировала между кубиками мяса – слишком ровными, чтобы быть настоящими. Разноцветные коты, сбегавшиеся со всей округи на запах то ли тушенки, то ли все-таки Селеса, тянули носами воздух и сдержанно подвывали.

Наконец Алиса положила пропитавшуюся мясным соком корочку в рот, отпихнула особо наглого кота и протянула банку гостю:

– Хочешь?

– Нет... Но... – Селес прикрыл глаза, вдохнул запах тушенки полной грудью и восторженно закончил: – Какая же гадость!

Алиса хмыкнула и сунула банку обратно в проволочную конструкцию, подвешенную над костром.

– Ты вегетарианец или еще из какой-нибудь пищевой секты?

– Нет, нет, – поспешно начал оправдываться он, почувствовав в ее голосе характерное презрение. – Я... я ведь, в общем-то, не ем... – Селес окончательно смутился. – Не ем через рот.

Алиса зашлась в приступе хохота и даже пару раз хрюкнула. Инопланетный гость завернулся в пропахшую машинным маслом плащ-палатку, которую ему любезно предложили в качестве подстилки, и обиженно замолчал. Коты выстроились перед ним в шеренгу и синхронно склонили головы набок.

Весь этот день казался сплошным изощренным издевательством, а окружающая обстановка – декорацией, намеренно устроенной так, чтобы оставить единственного зрителя в дураках. Селес посмотрел по сторонам, в очередной раз пытаясь понять, что может заставить огромное количество разумных и вроде бы цивилизованных гуманоидов жить в таких условиях.

После инцидента в бараке их погрузили обратно в транспортник и привезли сюда – в окруженное лесом небольшое поселение, напоминавшее военный лагерь. Здесь не было домов – только просторные палатки-контейнеры из металла и пластика, а освещение и отопление заменяли разожженные перед палатками костры. Вокруг них кучковалось все население – мужчины шумно гоготали и щелкали ключами пивных банок, женщины штопали детские комбинезончики защитной расцветки, а у самого большого костра, судя по долетавшим оттуда выкрикам, отмечали чей-то день рождения. Да и вообще для военного лагеря это место выглядело слишком уютным и насиженным: Селес не сразу, но все-таки заметил урны для мусора, спрятанные в кустах кабинки биотуалетов и символические заборчики из веток, аккуратно воткнутых в землю между палатками.

Коты зашипели – мимо независимой трусцой пробежала большая и пыльная собака. Селес долго смотрел ей вслед, пытаясь понять, что же с ней-то не так, потом закрыл глаза и потер пальцами виски. Собака была в бронежилете.

– Ну ты хоть пьешь? – разделавшись с тушенкой и культурно выбросив пустую банку в урну, спросила Алиса. – Через рот?

– Пью, – неожиданно и мрачно ответил Селес.

– Докажи.

Он взял протянутую фляжку, повозился немного, открывая ее, пролил на землю несколько едко пахнущих капель, шумно выдохнул и сделал несколько больших глотков, мучительно обжегших горло. Гортань как будто мгновенно опухла, перекрыв доступ воздуха, внутренности злобно заклокотали, а из глаз брызнули такие правдоподобные искры, что Селес машинально хлопнул ладонью по плащ-палатке, испугавшись, что она загорится. Невероятным усилием воли не дав жгучей жидкости, рвущейся наружу, проделать обратный путь, он наконец вдохнул немного воздуха и закашлялся.

– Бедненький... – с трудом расслышал он ласковое воркование Алисы, перемежающееся хихиканьем. – Да откуда же я знала, что ты и вправду выпьешь... Воды? Нет? Врача? Что ты руками машешь? Службу утилизации? – Хихиканье стало нервным. – Ты себе дополнительную дырку прожешь?

Немного придя в себя, Селес обнаружил, что ему хорошо. Невзирая на урчание в животе и затяжную икоту. Свет от костра приобрел теплый желтоватый оттенок, черты лица Алисы неувовимо смягчились, как будто она только что проснулась и ее губы и щеки еще сохранили сонную припухлость, а звезды на небе из крохотных холодных точек превратились в расплывчатые переливающиеся снежинки. Проходящие мимо люди в комбинезонах вызвали доверие и сочувствие.

– Что это было? – спросил Селес, удивленный таким моментальным эффектом. Речь стала немного замедленной, но его это совершенно не волновало.

– Самогон, – с плохо скрываемой гордостью ответила Алиса и, зажмурившись, тоже сделала несколько глотков. – Ну вот, теперь можно продолжить культурную программу встречи двух миров.

– Да, я как раз хотел спросить... – Он с некоторым трудом вспомнил наконец о своей главной цели. – Тот язык, на котором ты говорила в бараке... откуда ты его знаешь?

– С чего ты взял, что я его знаю?

Селес непонимающе сдвинул брови.

– Я отключаюсь, когда читаю предметы. Как ты при ускорении. Только ты потом можешь вспомнить, сколько примерно человек зарезал...

– Я никого не зарезал!

Алиса покосилась на него и на всякий случай убрала фляжку подальше.

– В общем, я ничего не помню. Но мы всегда можем послушать запись. – Она потянулась к черному круглому медальону, висевшему у нее на шее.

– Нет! – испугался Селес.

Он крикнул так громко, что девушка вздрогнула.

– Я могу опять ускориться. Этот язык... мне почему-то очень страшно от него, от самого звучания... – Оммо широким нетрезвым жестом обвел палаточный городок: – А здесь все-таки люди. Надо передать запись кораблю, он изучит.

– Э, нет, – Алиса прикрыла медальон ладонью. – Я его не отдам. Даже на одну минуту.

– Мы сразу вернем. Не знаю, можешь подняться на корабль вместе со мной...

Она шумно выдохнула и подалась вперед:

– Правда?!

Мысли формировались и состыковывались между собой медленнее, чем обычно. Прежде чем Селес все же составил встречный вопрос, Алиса вцепилась в его руку тонкими пальчиками, обтянутыми шершавой тканью:

– Слушай, пока ты не протрезвел... Замолви перед полковником словечко. Если ты его лично попросишь, он точно пустит меня в лифт. Подняться на орбиту – не значит покинуть планету, иначе те, на космостанции, были бы злостными нарушителями... Понимаешь? Нет? Ну и черт с тобой!.. Пожалуйста, просто попроси его! – Она начала шарить по многочисленным карманам своего

комбинезона, нашла нужный и вытащила оттуда стопку тоненьких брошюр на плохой бумаге. – Смотри, я прочитала про вас все, что нашла...

Селес молча смотрел на обложки – почти на всех были довольно бездарно изображены неокорабли. Большая часть надписей казалась непонятной, но он успел заметить заглавие и на панславянском первой ступени унификации, на котором довольно хорошо умел читать: «Десять вопросов, которые нельзя задавать нечеловеку». На обложке был нарисован кривой кораблик, а под ним, в правом нижнем углу, значок – волнистая линия и надпись «Морич», заключенные в круг. Селес пригляделся и обнаружил такой значок на всех прочих брошюрах. Видимо, это был логотип издательства.

– Информации мало и в основном глупости, конечно, – виновато затараторила Алиса. – Даже не сказано, например, что вы совсем не едите, но я сама дополняю, я допишу...

В этот момент сверху что-то натужно и басовито бабахнуло, и в небе расцвела короткая огненно-красная вспышка. Послышались крики, топот, на одном из стоявших рядом вездеходов зажегся прожектор, и столб света заметался по сумрачному небосводу. На Селеса налетел какой-то детина и, прежде чем потерять равновесие и упасть, больно наступил ему на руку тяжелым сапогом. Среди палаток воцарилась полная неразбериха, люди поспешно затапывали костры, щелкали затворы, вездеходы рокотали и ерзали на месте, меся грязь.

– Что... – начал наконец осознавать ситуацию Селес, но тут в небе опять расцвело зарево, которое он, если бы был человеком и все-таки ел через рот, сравнил бы с головкой божественной цветной капусты. Совсем близко затрещали деревья. Алиса отчаянно тянула его за рукав, пытаясь поднять с земли, и кричала:

– Бежим, бежим! Смотри только под ноги! Наверх не смотри!

Ветки, как будто нарочно сплетенные в тугую зеленую сеть, неохотно расцеплялись, пропуская их. Под ногами что-то хлюпало, квакало и пищало, и Селес, пытавшийся следовать приказу Алисы и смотреть только под ноги, с ужасом различал в траве каких-то хлипких голокожих существ, которые растекались под подошвами склизкими лужицами.

– Подожди! Подожди! Мне надо... у меня корабль... Да подожди ты!

– Что? – Алиса перешла на быстрый шаг и наконец отпустила его. На пальцах осталось липкое, и она, приблизив ладонь к глазам, разглядела, что это кровь.

– Это на меня наступили, – Селес брезгливо потряс раненой рукой, на которой шипы от тяжелых сапог оставили ровные глубокие дырочки.

Сверху монотонно раздавалось низкое уханье, вспышки прокатывались по небосводу разноцветными молниями. Неочеловек поднял было голову, но Алиса бесцеремонно отвесила ему подзатыльник:

– Не смотри!

– Надо проверить, как там корабль, а я не могу пробиться. Он... он обиделся и не отвечает.

– Твой корабль что, самец?

– Нет, просто корабль, они так не делятся. – Селес зажмурился и снова почувствовал спокойную и податливую, но непробиваемую толщу ментальной стены. – Ну пожалуйста, ответь. Просто скажи, как ты там, и можешь злиться дальше. Пожалуйста, ты же слышишь...

– Ты говоришь вслух, – заметила девушка. Они снова бежали, только на этот раз она тащила гостя за другую руку.

– Я знаю, сосредоточиться очень трудно! – огрызнулся Селес. – Я серьезно, пожалуйста, ответь. Что у тебя происходит? Тут что-то непонятное, но похоже на орбитальную бомбардировку. Рядом с тобой могут быть военные корабли, ты понимаешь?!

– Не упирайся! – рявкнула Алиса. – Я не настроена сейчас воевать!

– Господи...

Селес зацепился ногой за кочку и упал в квакающую грязь. Алиса, воспользовавшись кратковременной остановкой, осведомилась:

– У вас есть религия?

– Да отстань ты от меня! – заорал Селес, чувствуя, как ускоряющийся пульс оглушительным грохотом отдается в ушах. – Замолчи, наконец, не трогай меня, отста-а-а-ань!!!

Алиса тоже оказалась на земле, с заломленными за спину руками, причем она даже не успела осознать, в какой именно момент Селес схватил ее. Что-то прорывав, он с той же неправдоподобной скоростью отскочил на несколько шагов и выхватил из-за пояса крюк.

– Не надо! – взвизгнула Алиса.

Но оммо то ли недостаточно ускорился, то ли просто забыл о ее существовании. Он разнес в щепки оказавшееся у него на пути деревце и молниеносно скрылся в чаще леса. Спустя мгновение она уже слышала, как где-то далеко трещат деревья, через которые осатаневший инопланетянин напролом прокладывал себе дорогу.

Алиса передернула плечами, стряхивая тошнотворное ощущение, что в нее вот-вот вопьется крутящийся крюк, привычно дотронулась до медальона на шее и замерла, приоткрыв от ужаса рот. Устройство, хранившее все, что она успела прочесть за несколько лет, было раздавлено, словно жук, и из него торчали смятые серебристые внутренности. Кнопка включения еле слышно хрустнула и крошечным черным кубиком осталась на подушечке пальца. Вместо собственного голоса Алисы, торопливо пересказывающего сотни жизней, сотни событий, раздалось тихое шипение. Наверху грохотала техногенная гроза, но оцепеневшей Алисе казалось, что шипение сломанного диктофона она слышит гораздо отчетливее.

Глава седьмая,

посвященная знакомству с человеком без набора букв, встрече с неведомым и паранормальной резьбе по дереву

Группа людей в тяжелых скафандрах медленно продвигалась вдоль стены. Они держались за веревку, привязанную к поясу массивного человека, шедшего первым. Тяжелые, как утюги, подошвы с грохотом опускались на пол, и пыль взмывала вертикально вверх, как дым в безветренную погоду. Встроенные в шлемы фонари, делавшие людей похожими на огромные елочные игрушки, освещали мокрые от пота бледные лица с вытаращенными от напряжения глазами. Каждый шаг отдавался шумом, которым мог бы похвастаться не всякий отряд доисторической конницы, но люди, оглушенные собственным пыхтением, не слышали этого.

Впереди показался округлый темный проем.

– Оно, – шепнул в передатчик человек, который шел первым, и поспешно прикрутил яркость фонаря до минимума. Остальная группа тоже последовательно погасла, как гирлянда, когда заканчивается праздник.

Они сгруппировались у проема, в который никто не решался шагнуть первым. В коридоре было не так страшно, то тут, то там периодически мигало аварийное освещение, и, что самое главное – коридор был простым и понятным творением рук человеческих, просто очень старым и давно заброшенным. Дальше их ждала густая чужая тьма, никогда еще, возможно, не скрывавшая в себе потомков Адама и Евы.

Наконец маленькая, кругленькая женщина, которая все время плелась в хвосте и вообще, невзирая на скафандр, выглядела прирожденным бухгалтером, выступила вперед и дрожащим голосом пискнула:

– Я пойду.

Мужчины мгновенно потупили глаза, продемонстрировав присущую самцам человека солидарность, которая в особо трудные моменты жизни переходит в синхронность. Потом предводитель группы решился:

– Шагнем все вместе. Одновременно.

Однако дальнейшие измерения показали, что все шестеро в проем не помещаются. Ситуация осложнялась.

– Хорошо. – Массивный человек попытался утереть со лба пот и чуть не разбил тяжелой перчаткой стекло шлема. – Первым иду я. Вы ждете десять секунд, потом идет Афродита, – он кивнул храброй бухгалтерше. – А потом... потом сами разберетесь. Если что-то случится, я дерну за веревку.

Тяжелые шлемы согласно закачались. Человек поправил на поясе веревку, несколько раз шумно выдохнул и, высоко подняв ногу, переступил воображаемый порог, за которым ждало неведомое.

Практически в тот же самый момент, когда его подошва коснулась пола, вспыхнул ослепительный свет, все помещение загудело и задрожало, пол внезапно стал потолком, и человек в ужасе увидел, что под его растопыренными пальцами и все еще ноющими от удара коленями разверзлась черная бесконечность Вселенной. Он стоял на четвереньках посреди космоса.

– Вы сдурели, что ли?! – громовым басом спросило неведомое.

Селес выскочил на полянку, нырнул под густую листву какого-то кустарника и начал шепотом считать до ста. Пульс постепенно пришел в норму, заныли царапины от веток, сбитые ступни и раздавленная неуклюжим солдатом рука. Позвав Алису и убедившись, что она куда-то пропала, неочеловек внимательно изучил крюк. Крови он не увидел. Металл пах древесными соками, травой и собственно металлом. К ручке прилипла половинка аккуратно разрубленной мухи. Кроме нее, жертв, очевидно, не было. Селес тщательно вытер оружие листьями и, воровато оглядевшись по сторонам, попытался его покрутить.

– Помогите!

Странно, но от этого истошного вопля не разверзлись небеса, не дрогнула земля, и даже голова Селеса каким-то чудом уцелела, хотя он явственно слышал треск собственной лобной кости. Крюк куда-то улетел, зрение, осязание и слух последовательно выключились и снова включились. Он увидел прямо перед своим носом большие, похожие на деревья стебли травы и половинку мухи, в

которой можно было разглядеть разноцветные внутренности.

– Ты чего орешь? – оторопело спросил он у мухи.

– Помогите!!! Селес! Кто-нибудь! Спасите! Селес, чтоб тебя! На меня напали!!!

– Успокойся. Кто напал? Сколько кораблей?

– Это не корабли, это гуманоиды! Залезли внутрь, и я не могу их выгнать! Они не вытряхиваются! Они по мне ходят! Их много!

– Чем вооружены?

– Ни... ничем. Но в скафандрах, и жутко гремят!

– Спроси, кто они.

– Люди!

– Это они сказали?

– Нет, это мне видно!

– Сколько их?

– Полная кабина! Пя... Шестеро.

– Ты до сих пор на станции?

– А где мне еще быть? Думал, посплю хоть.

– Они что, люк взломали?

– Нет, он открыт был, кабина проветривалась...

Селес с тоской посмотрел на муху, явно ища у нее сочувствия, потом перевел взгляд на небо.

– Корабль, это люди с таможни. Насколько я знаю, они безобидны.

– Чудесно! И что мне с ними делать?!

– Не знаю... поговори с ними. Попроси уйти, только вежливо.

– То есть ты ничего предпринимать не будешь?

– Корабль, я на планете. Внизу. Далеко. Можешь спросить, есть ли среди них человек по имени Петерен, и передать ему от меня привет.

– То есть тебе плевать, что меня могут похитить или разобрать на запчасти, да?

Этого гневного вопроса Селес уже не слышал. Прямо у него над головой внезапно возникло мерцающее чудовище цвета только что освежеванной туши. Оно парило чуть ниже верхушек деревьев и тянуло к земле длинные, как у медузы, отростки-щупальца. Больше всего оно и напоминало медузу, только вместо тела у него был пульсирующий розоватый мозг, по поверхности которого ползали многочисленные глаза на стебельках. Причем ползали они не бессистемно, а водили хороводы вокруг кроваво-красного, совершенно человеческого рта с желтоватыми резцами. Таким же плотоядно чавкающим ртом оканчивалось каждое щупальце. Летающий кошмар издал нечленораздельный рев и проворно снизился, зубы клацнули у самого лица Селеса.

– Под ноги смотри! – Из-за деревьев выскочила темная фигура и повалила инопланетного гостя на землю.

Тот, не привыкший беззаботно поворачиваться к опасности спиной, попытался поднять голову, но Алиса с силой впечатала его лицо в траву.

– Не вздумай ускоряться... – шипела она. – Хуже будет! Не смотри... Не смот-ри!

Наконец ее хватка ослабла, и Селес, выплюнув стебельки и грязь, шепотом спросил:

– Что это было?

Алиса широким жестом показала вверх. Там покачивались верхушки деревьев, а в небе все еще вспухала божественная цветная капуста. Исполненная ртов тварь бесследно исчезла.

– Ничего не было, – не терпящим возражений тоном сказала Алиса. – Ты просто не туда посмотрел.

– Было, – тоскливо заупрямился Селес.

– Хорошо, уговорил, было. Но если ты не станешь упираться и ускоряться, я проведу тебя в другую плоскость, там нет ни единого мозгозуба.

– Это называется мозгозуб? Вы с ними воюете?

– Точно и совершенно верно.

– А ты можешь провести меня к лифту?

– Наш лифт уже захватили мозгозубы, они каждый раз так делают. – Алиса взглянула на инопланетянина с жалостью. – Ты вообще выбрал для визита крайне неудачную плоскость...

А ведь он подумал, что выбраться со странной планеты может оказаться непросто, еще до того, как его затолкали в капсулу орбитального лифта. Но тогда отказываться было как-то неудобно.

– Я повидал многие планеты. Везде все по-разному. Но у меня никогда не было такого явного ощущения...

– ...что что-то не так. – Она хмыкнула и лихо сбила каску набекрень, чтобы почесать голову. – С тех пор, как себя помню, я каждую секунду чувствую, что... хочешь, твои мысли прочитаю? Что все вокруг – декорация, с помощью которой

кто-то пытается нас обдурить. Ты ведь об этом?

Селес кивнул.

– Все эти плоскости... Наша планета делится на плоскости. И в каждой свои странности, свои законы, которые никто не может толком объяснить, но все делают вид, будто так и нужно. Удивляются еще – а как же иначе, а как ты хотела? На самом деле все они, конечно, врут... Я слишком много слышала, слишком много узнала, чтобы хоть кому-нибудь верить. Все люди здесь так заврались, что уже сами себе верят! Хотя, может, их гипнотизируют каким-нибудь излучением... потому я и ношу каску, от излучения, вот до чего я уже свихнулась, понимаешь? Ты улетишь так же, как прилетел, а я живу здесь, и умру здесь, и даже, вот зуб даю, никогда не докопаюсь до первопричины... – Она вздохнула и передернула плечами. – Так давай ты хотя бы из уважения к моей тяжелой доле перестанешь по-дурацки недоумевать и пойдешь наконец со мной?

Алиса бодрилась изо всех сил, даже улыбалась во всю ширь, только глаза блестели, набухая слезами. Селес скорее почувствовал, чем понял, что к ее доле, какой бы она ни была, действительно следует проявить уважение.

– Хорошо, – он отряхнулся и доверчиво протянул руку. – Идем.

Мокрые, поцарапанные и продрогшие, они выбрались на опушку леса и устало привалились к огромному дереву. Алиса припала к фляжке, звонко стукнувшись о горлышко зубами. Селес покосился на фляжку и печально икнул.

Впереди маячил голубовато-молочный свет, в нем проглядывали два оранжевых огонька. Через некоторое время нечеловек понял, что это окна маленького домика, стоящего среди поля, залитого фосфоресцирующим туманом. Дом и довольно большой участок вокруг него были обнесены забором. Сонно покачивались деревья в саду. Где-то рядом уютно ухала сова. Селес подумал, что если это другая плоскость, то она нравится ему гораздо больше.

Они спустились с пригорка на пустынную проселочную дорогу, и она привела их к забору, увитому иссохшим плющом. В воздухе пахло теми ночными цветами, которые есть на каждой обжитой планете, но мало кто знает об их

существовании. Они раскрывают нежные белесые лепестки только в полной темноте, потому что им нужно сперва убедиться, что их никто не видит.

К забору подбежало небольшое животное и начало громко кричать. После короткого замешательства Селес вспомнил, что это называется собакой.

– Подожди меня тут, – Алиса просунула руку между прутьями калитки и отодвинула щеколду. – Он не любит чужих.

– А зубо... мозго...

– В этой плоскости их нет. Можешь спокойно смотреть вверх.

Прохрустел гравий, потом в темноте возник светящийся прямоугольник открытой двери и тут же исчез. Какое-то время Селес от нечего делать разглядывал забор – он был слишком низким и хлипким, чтобы служить надежной защитой от чужаков, которых здесь вроде бы не жаловали. Из дома никто не выходил, и неочеловек решил немного прогуляться. Он медленно побрел вдоль забора, слегка пошатываясь от очередной раз ударившего в голову алкоголя. По другую сторону ограды за ним неотступно следовала собака, сверкая маленькими красноватыми глазками и изредка издавая такой звук, как будто внутри у нее что-то закипало.

Позади дома стояло древнее транспортное средство, похожее на сплюснутый со всех сторон маленький вездеход. Никогда не видевшему старые земные автомобили Селесу машина показалась игрушечной, но он не мог отрицать, что она очень хорошо вписывается в пейзаж. Потом в заборе внезапно образовались наполовину распахнутые ворота, перекошенные от старости. Оммо заглянул внутрь и увидел множество темных столбиков, тонущих в молочно-белом тумане. Даже не предполагая, что это могло бы быть, он, подталкиваемый любопытством и самогоном, решил посмотреть поближе.

Небольшие темные конструкции, которые Селес поначалу принял за столбики, имели, как оказалось, самую разнообразную форму. Это были скульптуры в форме маленьких человечков и крестов, прямоугольные плиты и просто небольшие деревянные палки, воткнутые в землю и увенчанные табличками с какими-то надписями. Ну конечно, человеческое захоронение, только более традиционное, чем то, что он видел на орбитальном додекаэдре. От одного

воспоминания Селеса передернуло. Он попытался прочесть ближайшую надпись, но значки были слишком мелкими. Подойдя ближе, Селес налетел на незаметную в тумане низенькую ограду, окружавшую крест с табличкой. Вместе с треском он уловил отчетливый недовольный вздох – даже языком, как будто от досады, прищелкнули, – и выпрямился, удивленно оглядываясь. Вокруг никого не было. Шепотом выругавшись, Селес попытался вернуть поваленную секцию ограды в прежнее положение. Вздох повторился, и у его ног, прямо под крестом, зашевелилась земля.

Неочеловек не успел познакомиться с местной фауной – за исключением мелких лупоглазых существ, бесчисленное количество которых раздавил во время бегства из военного лагеря. Он оставил ограду в покое и стал осторожно раскапывать землю, чтобы помочь зверьку вылезти. Под слоем дерна обнаружилась норка, которая явно вела в более обширную полость. Селес расширил ее края, и тут из-под земли хищно выметнулся остов человеческой руки – грязный, почти лишенный плоти, с длинными кривыми ногтями. Рука начала деловито ощупывать края норы, причем два ногтя тут же отвалились и остались лежать на земле. Спустя мгновение она вцепилась в сапог инопланетного гостя, а из-под земли послышался неразборчивый, но торжествующий возглас.

– Селес! – позвала из сырого тумана Алиса. – Сел... Куда ты пошел?

Оммо попытался высвободить сапог, но рука держала крепко, поэтому он, брезгливо морщась и вполголоса бормоча извинения, с силой спихнул ее носком другого сапога и случайно оторвал неизвестному подземному жителю палец. Палец проворным червячком пополз прочь. Селес поймал его и с новой порцией извинений попытался приставить на прежнее место. Но рука схватила отвалившийся фрагмент и юркнула обратно в могилу, откуда донесся жалобный стон.

– Я не хотел, – сказал неочеловек. – Я просто...

Из норы ему в лицо швырнули комком затхло пахнущей грязи.

– Селес, тебе кто разрешил шлаться по кладбищу?

По купам деревьев перед домом запрыгал луч фонаря. Селес пошел на него, врезался в забор, забрел в мокрые колючие кусты, продрался через них и вышел

к крыльцу дома, на котором стояли Алиса и незнакомый бородатый старик.

– Здравствуйте, – сказал Селес.

Старик приветливо кивнул в ответ, сад и дом качнулись в такт, внутренности инопланетного гостя издали такой зловещий рык, что собака с визгом умчалась в темноту. Селес успел схватиться рукой за стену, и его вырвало.

– Самогон, – на всякий случай пояснил он хозяину дома.

В животе резало так, будто Селес наглотался стекла, а не жгучей жидкости из фляжки. Он снова скрючился, царапая ногтями стену.

– Не волнуйтесь, я его сейчас внутрь затащу, – бодро заявила Алиса.

– Потрясающе... – Петерен опять попытался утереть со лба обильный пот и опять чуть не разбил запотевшее стекло шлема. Его лицо сияло от счастья, как толстая бледная луна в ясную ночь.

– Да снимайте уже его, – прогудел корабль.

– Тут можно дышать?

Корабль на всякий случай проверил показатели. В плотно набитой людьми кабине было жарковато, но в целом все соответствовало норме.

– Можно.

– Потрясающе...

Люди зашевелились, стараясь дотянуться до шлемов, но свободного пространства было слишком мало для того, чтобы поднять руки. Кто-то уронил перчатку, а бухгалтерша Афродита и ее сосед звонко стукнулись шлемами и дружно вскрикнули, увидев на них трещины.

Корабль критически изучал происходящее. Еще никогда на его борту не присутствовали в таком количестве крупные и на редкость неуклюжие люди. Охватившая его поначалу паника не просто прошла – он вычеркнул этот позорный момент слабости из памяти и теперь был преисполнен чувства собственного достоинства.

– Вас слишком много, – сообщил он людям. – Станет гораздо удобнее, если хотя бы половина отсюда выйдет. А лучше все.

Отважные исследователи неведомого послушно потянулись наружу, а Петерен уже у самого люка остановился, справедливо заподозрив, что корабль намерен избавиться от них и сбежать.

– Значит, вы обладаете разумом? – уточнил он.

– Ну, – нетерпеливо подтвердил корабль.

– И вы живой?

– Ну.

Петерен нажал кнопку под подбородком и с громким чпокающим звуком снял шлем. Он не сразу решился сделать вдох и несколько секунд стоял неподвижно, надув щеки и выпучив глаза. Наконец он со свистом втянул ноздрями воздух, подержал его в легких, как веселящий дым, и с сожалением вернул обратно.

– Но это невозможно, – продолжил он. – По всем признакам вы созданы искусственно!

– И что? – немного растерялся корабль.

– Значит, вы обладаете искусственным интеллектом, и вы – не живой!

Корабль недовольно загудел. Петерен тем временем открыл клапаны, выбрался из скафандра, который так и остался стоять, прислоненный к стене, и жестом поманил к себе двух других обитателей станции.

– Бумагу и ручку, – шепотом потребовал он. – Сейчас же.

– У меня есть личность, – сказал корабль, успевший изучить все имевшиеся в энциклопедии определения живого и разумного. – По шиарийским нормам этого достаточно, чтобы считаться живым существом.

– А по чело...

– А мне чихать.

Петерен растеряннo замолчал. Он полагал, что негуманоидная форма жизни при первом контакте будет выражаться более торжественно. Тут ему в руки сунули блокнотик и карандаш, на незаточенном конце которого сидел пластмассовый гномик с очень удивленными глазами.

«Я бы на его месте тоже удивился», – рассеяннo подумал Петерен и отметил, что необычайные приключения нисколько не мешают ему размышлять о совершенно прозаических и незначительных вещах. Надо упомянуть в мемуарах эту отстраненность, экзистенциальную отчужденность среди неведомого и потрясающего, подумал Петерен. Он быстро проставил на бумаге номера вопросов и поднял голову к потолку:

– Не могли бы вы заполнить анкету?

В доме все было пропитано совершенно особым запахом – так пахнут сильно подержанные грузовые контейнеры, стенки которых расслоились от старости, а внутри завелись сорные грибомыши. На полу высились груды самых разнообразных вещей: книг – начиная от бумажных и заканчивая мини-читалками прямого доступа, – посуды, игрушек, одежды (Алиса восторженно запищала, вытаскивая под тусклый свет лампочки что-то кружевное), коммуникаторов, пакетов, проводов, отражателей, глушителей, ускорителей и каких-то безымянных штукoвин. Между горами хлама были проложены чисто выметенные дорожки, придававшие комнатному ландшафту сходство с хитроумно устроенным садом. Самая широкая дорожка вела от двери к столу, заваленному проволокой, микросхемами, загадочными деталями и инструментами, напоминавшими пыточные орудия. Одно извилистое ответвление шло к приоткрытой двери – судя по всему, на кухню, – по другому

можно было добраться до железной кровати на высоких ножках, а третья дорожка уходила в самый темный угол, к лестнице на второй этаж, ступеньки которой тоже были завалены вещами. То тут, то там мелькал победно поднятый собачий хвост – животное проскользнуло вслед за всеми в дом и теперь носилось среди хлама, путалось под ногами и демонстрировало живейший интерес к происходящему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bobyleva_dar-ya/neuchtennaya-planeta

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)